

Шульга А.В

Жила Жизни

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Шульга

Жила Жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шульга А. В.

Жила Жизни / А. В. Шульга — «ЛитРес: Самиздат», 2017

События развиваются стремительно. В 2000-х годах в одной из отдалённых таёжных деревушек Пермского края ФСБ выходит на след организованной преступной группировки под предводительством Росомахи. Группировка распустила свои щупальца в высшие эшелоны власти, и, как выясняется, далеко за рубеж. Кто они - масоны или иллюминаты? Это предстоит выяснить сотруднику ФСБ Якимову. Но ни он, ни его начальство даже не подозревают, с чем им придётся столкнуться. Их расследование заведёт читателя в далёкую гражданскую войну начала XX века. Помимо этого читатель побывает в 1945 году, и, наконец, вернётся в наш реальный мир, где Росомаха приготовила множество сюрпризов, в том числе и сотруднику ФСБ Якимову. Развязка непредсказуема до последнего момента. Кто же Росомаха? Женщина или мужчина? Кто же создаёт обстоятельства? Человек? Или же обстоятельства создают человека? Содержит нецензурную брань.

ЖИЛА ЖИЗНИ !

Глава 1

Майор ФСБ Якимов сделал последнюю глубокую затяжку сигаретным дымом, бросил окурок в пустую банку из – под кока – колы, выпустил дым из носа и приказал, рядом сидящему капитану из Пермского отдела ФСБ:

– Еще раз проверьте готовность!

Капитан Ерохин, человек по своей натуре весельчак, усмехнулся своими тонкими усами на итальянский манер, отстегнул от ремня рацию, нажал на кнопку приема. В рации, после железного скрежета, прозвучал твердый голос.

– Второй слушает.

Ерохин спросил без энтузиазма:

– Как у вас там, второй ?

– Все по – прежнему, без изменений.

Пока Ерохин проверял по рации посты засады, Якимов на секунду ударился в размышления. Во-первых, у него сильно ныла спина: сказывалось ранение, полученное им в 1994 – м в Грозном, во-вторых, ему не нравился этот оперативный УАЗ буханка, замаскированный под доставку пива Красный Восток, его ему предоставили коллеги из Соликамска, в-третьих, его раздражал тот самый основной аргумент, что объект, который они ждали уже вторые сутки, не появлялся. Он мысленно ругал, даже проклинал в очередной раз свою работу, ему нестерпимо хотелось вернуться в Москву, упасть в теплую ванную, потом принять на грудь хорошую порцию коньячка и конечно, конечно встретиться с Татьяной, кстати, с которой он месяц назад познакомился в гостинице «Украина», благодаря все этому запутанному делу. Он преследовал эту проклятую Росомаху, так была прозвана эта девушка, которая была его объектом преследования уже несколько месяцев. Ниточка оперативной работы привела его сейчас сюда, на эту заснеженную таежную трассу под Соликамск, Пермской области, к шикарному мотелю из дерева, похожего на сказочный царский теремок. В мотеле, без сомнения, имеется горячая ванная и коньячок, – Эх Якимов, Якимов, и это все за десять дней до нового года, никчемный ты человек – Якимов ! Из дурных рассуждений о себе его вывел бодрый голос Ерохина.

– Все без изменений, товарищ майор.

Якимов вновь закурил.

– Ладно, брось козырять, Андреем меня звать, Иванычем – по батюшке.

Ерохин усмехнулся.

– Да , я знаю из сводки, меня – Владимиром Владимировичем.

Якимов постарался пошутить.

– Как президента.

Ерохин тоже закурил, настраивая камеру наружного наблюдения на контрастность.

Точно, как Путина, только с фамилией не повезло.

И действительно Якимов только сейчас заметил, что Ерохин похож на нынешнего президента России.

– Мотель здесь давно ?

– Да, года три, может чуть больше, его приезжие прибалты построили.

Якимов задумчиво проговорил:

– Да, да, латыш Петерсон, если память мне не изменяет.

– Откуда ты его знаешь, ничего, что я – на ты ?

– Я этим делом занимаюсь почти год и знаю многое, а ты что не в курсе ?

Ерохин открыл термос, налил в одноразовые стаканчики горячий кофе.

– Так, в общих чертах не откажусь, если ты мне поведешь детали. Времени, как я понял, у нас неограниченное количество. Все время ты был неразговорчив, если честно – с тобой можно умереть со скуки.

– А мне сказали, что дадут опытного оперативника, который в курсе этого дела.

– А мне сказали, что парню из Москвы нужен парень, который знает здешние места.

– Ты родом отсюда ?

– Можно сказать, что местный абориген, только несколько сотен верст в тайгу находится мой родной дом. Родился в глухой деревне среди леса, среди эков и старателей с приисков, правда название моей деревни звучное – Медведьевка.

– Что, медведей много водится рядом?

Ерохин сделал глоток кофе.

– Может раньше и водились, но сейчас охотников там больше чем живности, ну что это мы все про меня, может о деле потрещим.

– Ну и сленг у тебя!

– Я же говорю, я – деревня.

– Не говори о себе, Володя, плохо, об этом скажут за тебя твои коллеги.

Ерохин поправил его.

– Согласен, только не коллеги, а друзья.

Якимов допил кофе, бросил стаканчик на дно фургона.

– Эту девку мы прозвали Росомаха, верней не мы, так она фигурирует во всех оперативных сводках. Без зазрения совести скажу тебе: она очень хитра, может менять внешность и в артистизме ей не занимать, на вид ей от двадцати до тридцати, хорошо знает технику и отлично владеет оружием, даже холодным.

Ерохин присвистнул.

– Просто террористка-профессионалка, она не из Чечни?

Якимов с иронизировал.

– Нам можно гордиться, она наша, российского происхождения. Ее профиль не взрывчатка, она занимается золотом и бриллиантами, и по нашим данным является руководителем преступного сообщества под названием «За честь и славу», логово у них где-то здесь в вашей тайге.

Ерохин без любопытства спросил:

– Кто-же из блатных будет здесь в глуши жить, тут наоборот все бегут в город, молодежи-то в лесу не осталось, посмотри в Перми, сколько девок натурой приторговывают и все из таежных поселков и деревень, а тут воротили золото и бриллиантами, это мне кажется все из области фантастики.

– В том то и дело, мы в Москве в недоумении от ваших Пермских коллег. Как мы только начинаем копать в ваших архивах, то натываемся на стену: никто ничего не знает да и в принципе особого желания нам помогать не проявляют.

– Но ты хватнул на счет желания.

– По-крайней мере, мне это кажется не одному.

– Откуда тогда у тебя вся эта информация, даже про этого хозяина отеля ?

– Где-то месяц назад Росомаха устроила своим покупателям бриллиантов встречу в Москве, в гостинице «Украина», к нам из МУРа поступила информация об этой сделке. Покупателями были братки из Башкирии и ,по оперативным данным, хотели кинуть Росомаху.

– И что ?

– Внутри номера зрелище было впечатляющим: двенадцать трупов, девять башкир, трое – из людей Росомахи, третий – прибалт прожил неделю, в больнице его кто-то добил, прямо в больнице, несмотря на нашу охрану, но кое что мы смогли от него узнать. Бедняга понимал,

что долго не протянет так как он оказался, по их меркам, в плену, они не доверяют тем из своих, кто хоть капельку обложался и побывал в лапах ФСБ или милиции.

– Значит Росомаха в этой перестрелке уцелела ?

– Не просто уцелела, несмотря на засаду, растворилась как привидение, я лично преследовал ее до самой улицы, на проспекте ее ждала машина, она прыгнула в нее и укатила. Я прыгнул в рядом стоящую иномарку и попросил шофера преследовать, мы ехали за ней, но потеряли. В той бойне я потерял своего друга, но нашел самую замечательную девушку на свете.

– Потерял одну, нашел другую?

– Да, так и получилось: за рулем той иномарки, на которой я продолжал преследование, была именно эта очаровательная девушка. – Якимов задумался.

Ерохин спросил :

– И теперь мы ждем Росомаху ?

– Прибалт сказал, что в этом мотеле она появляется в конце каждого месяца, здесь она передает своим курьерам товар.

– Она может здесь и не появиться, если они убрали прибалта, то наверняка продумали то что он мог сдать это место. Он сказал, что они не знают о том, что он знает это место, о нем ему рассказал один из его корешей, или как он его называл брат, которого в «Украине» положили с тем вторым.

– Понятно, – задумчиво протянул Ерохин. – Поэтому ты и приказывал без твоего командования ничего не предпринимать, даже мочиться ходить по твоему разрешению.

– Ты догадливый. Она хитра, скоро новый год и я хочу встретить

Якимов осекся, полез в карман своего пальто и достал свой сотовый. Ерохин слышал как у него работает вибрация на сотовом. Якимов торопливо нажал на прием и голос его стал ласковым.

– Рад слышать тебя, дорогая, я только что про тебя вспоминал, конечно только хорошее, разве у нас было что-то плохое. Нет, сегодня не могу, я в командировке, почему ты сама не звонила мне целую неделю? Может все-таки дашь наконец мне свой телефон ? Да определился, но он отвечает только тогда, когда ты его включаешь, и у меня складывается впечатление, что ты включаешь его только тогда, когда звонишь мне. Да, мне нужен твой рабочий, хорошо, когда ? Хорошо, когда вернусь в Москву, пока целую.

Якимов положил телефон в карман, посмотрел на Ерохина.

– Представляешь, знаем друг друга почти месяц и видимся только тогда, когда хочет этого она.

– Женщины всегда были загадкой, поэтому они нам интересны.

Неожиданно, как гром среди ясного неба, раздался треск рации на ремне Ерохина, он быстро ее включил и они услышали торопливый доклад.

– Докладывает шестой: мимо нас проследовал шестисотый мерседес с московскими номерами.

Ерохин отозвался.

– Хорошо, продолжайте наблюдение, – посмотрел на Якимова, тот сосредоточенно смотрел на экран монитора камеры наружного наблюдения, хриплым голосом признал.

– Всем внимание, будьте готовы: второй, третий, четвертый выходите на исходные позиции, готовность: десять – двадцать минут.

Ерохин удивленно спросил:

– Откуда ты знаешь что это она или ее партнеры?

– У меня на эту Росомаху чутье.

Мерседес появился через пять минут, Якимов зафиксировал, на часах было 23:35, Мерседес плавно подкатил к парадному входу, из него с заднего сиденья вылезли два парня, двигатель не глушили, шестой опять вышел на связь.

– Мимо нас проследовал снегоход Ямаха, с Дедом Морозом.

Якимов взволнованно уточнил.

– Снегурочка с Дедом Морозом, или он один ?

– Нет, один Дед Мороз.

– Хорошо, всем готовность пять минут.

Парни из мерседеса вошли в мотель, Якимов потер ладонями лицо, прогоняя дремоту и усталость, полностью сосредоточился на мониторе наружного наблюдения. Через пару минут появился Дед Мороз, сидя верхом на дорогом японском снегоходе. Якимов опять невольно подумал о приближающемся новом годе. Снегоход на медленном ходу проехал мимо мерседеса, миновал парадный вход и скрылся за дальним углом мотеля, Ерохин тихо прокомментировал:

– Там служебный вход и стоянка.

Якимов, неотрывая взгляда от монитора, взял свою рацию, проговорил.

– Пятый, видите Деда Мороза на снегоходе ?

– Да, видим. Дед Мороз зашел в мотель со служебного входа, снегоход не заглушил, хорошая тачка, таких во всей пермской области раз, два, да обчелся.

Чтобы не слушать рассуждения пятого, Якимов отключил рацию, задумчиво проговорил:

– Где же Снегурочка ?

Ерохин принял его слова как за предложение к разговору.

– Станным мне все это кажется.

– Что именно ?

– Время двенадцать ночи доходит, а тут Деда Морозы на крутых аппаратах разъезжают, да еще без Снегурок, необычно это для этих мест. Из местных, Деда Мороза себе могут позволить единицы, да к тому-же, в мотеле из приезжих всего трое из чувашии приехали на длительное свидание в зону, им то в пору девочек заказывать, а они Деда Мороза. Неувязочка, товарищ Якимов!

– Ты прав, Вова, поэтому вперед !

Якимов вытащил из – под пальто два пистолета и добавил:

– Я пошел. Как найду в мотель, ровно через три минуты накрывайте мотель, стрелять только при исключительной мере.

Ерохин усмехнулся, достал свой пистолет, снял его с предохранителя.

– Все понятно.

Якимов толкнул от себя дверцу, на ходу бросил.

– Мерин с московскими номерами не упусти.

Ерохин уже привычно улыбнулся.

Якимов засунул пистолеты в карманы пальто, захлопнул за собой дверцу буханки, поднял воротник, поежился от сухого крепкого мороза и легкой походкой направился к мотелю. Поднимаясь по парадному крыльцу, он услышал как за его спиной щелкнула дверца мерседеса, он невольно оглянулся и увидел как из – за руля мерседеса вылезла очаровательная девушка в одеянии Снегурочки: ему даже показалось до боли в сердце знакомым ее лицо. Он даже на секунду растерялся и повернулся к Снегурочке, она пропорхала мимо него, как самое очаровательное привидение в жизни, которое если может попасть человеку. Морозный воздух смешался с приятным ароматом ее духов. Она плавно дернула на себя входную дверь, хохотнула бросив.

– С наступающим, молодой человек, счастья вам и долгих лет жизни! И впрорхнула в мотель.

Якимов вышел из оцепенения и ринулся следом за ней, через секунду он оказался в полутемном холле: слева от него широкая деревянная лестница вела на второй этаж, справа расположился хорошо освещенный небольшой зал с барной стойкой, типичный интерьер для подоб-

ных придорожных мотелей. За барной стойкой бармен, парень в белой рубашке с бабочкой, лет двадцати пяти, приветливо улыбнулся.

– С наступающим новым годом вас, счастья вам и долгих лет жизни! Чем могу вам быть полезным?

Якимов приветливо кивнул.

– К вам в мотель только что зашли два парня и Снегурочка.

Парень вопросительно пожал плечами, опустил глаза за стойку, перелистывая регистрационный журнал, вслух проговорил:

– Что-то не припоминаю.

Якимов выхватил из кармана оба пистолета, направил на парня.

– Хочешь умереть молодым?

Он поднял ладони кверху.

– Вам, наверное, нужны постояльцы ?

– Да, деревянная твоя башка.

– Они наверху, номер четыре.

Якимов резко повернулся и двинулся к лестничному маршу. В эту самую секунду его окликнул бармен:

– Эй, приятель !

Якимов повернулся к нему с дурным предчувствием, и оно его не подвело, опытного оперативника. Парень выстрелил ему в грудь из помпового ружья. Отлетая к противоположной стенке, он все же успел выстрелить в ответ из своих двух пистолетов, и, прежде чем потерять сознание, еще успел увидеть ворвавшуюся в мотель группу захвата во главе с капитаном Ерохиным.

Якимов, привыкший к пробуждениям после потери сознания, на этот раз ощутил что-то неопишное: грудь до боли жгло чем-то холодным, лоб и лицо тоже казались замороженными до немоты. Он открыл глаза и увидел перед собой довольное лицо Ерохина, который держал в руках большую горсть снега.

– Что, оклимаюсь, Якимов ?

Якимов, пошатываясь, поднялся на ноги. На нем не было уже бронежилета, рубаха и майка на груди порваны, и мокрые от снега. Сильно болел затылок, видимо, он ударился головой об стену. Рядом сновали ребята из Соликамского спецназа, возле барной стойки эксперт щелкал фотоаппаратом над трупом бармена. Ерохин заметил его взгляд:

Уложил ты его профессионально, из обоих пистолетов пули достигли цели, – протянул ему пистолеты. Якимов убрал их в кобуры под пальто, Ерохин продолжил:

– В рубашке ты родился, Якимов, бронежилет у тебя хороший.

Несмотря на боль в груди Якимов глубоко вздохнул.

– Он меня уже в третий раз спасает, израильская штукавина, стоит на вооружении в Массаве, тамошние коллеги подарили.

Ерохин развел руками.

– Что ж, и здесь нас братья евреи обошли.

Якимов запахнул бронежилет на груди и застегнул его, прикрыв голую грудь с внушительным размером синяка, спросил:

– Что я пропустил ?

Хорошую перестрелку, как в крутом голливудском боевике. Гора трупов и некому задать вопросы.

С волнением Якимов поинтересовался:

– Что со Снегурочкой?

Ерохин снял с головы шапку, виновато ответил:

– Не смогли, не обессудь.

– Убита !

– Если бы.

– Ушла ?

– На снегоходе. Не баба, а монстр! Одного спецназовца замочила, второго вырубилась с ноги, ну и мне пару раз влепила, думал челюсть выставит, встречу когда – нибудь, шанса ей не дам.

На этот раз усмехнулся Якимов.

– Поздравляю тебя с первым знакомством!

Ерохин искренне удивился.

– Что, это была сама Росомаха ?

– Она самая, Вова, и мы большие с тобой бестолочи, что упустили ее, – он стукнул кулаком по бревенчатой стене. Нет у нас к ней больше тропинок, нет, Вова, теперь ее не достать.

Ерохин вышел из задумчивости.

– Кое – что есть, Якимов.

– Что ?

– Дедом Морозом оказался мой земляк и однокашник – Колька Невинный. Его корни из рабочих переселенцев, дед его был первым директором Медведьевского прииска, может начнем с Медведьевки, не возвращаться же тебе в Москву с пустыми руками, взбучки от начальства не избежать, да и мне с этой сукой- Росомахой, счеты свести охота.

Якимов задумчиво щелкнул языком.

– Серьезная зацепка, Ерохин. Теперь вижу, не дурака мне в помощники определили, а просто гения.

– Как говорится, майор, чем дальше в лес, тем больше дров. Чем черт не шутит, поговорим с местными охотниками, мужики тамошние много тебе чего чудного поведают, может чего и выловишь для себя. А банька у моих какая, венички пихтовые.

Якимов усмехнулся.

– Сладко зазываешь капитан! Чтож, познакомимся с Медведьевкой.

Глава 2

Служебный УАЗ резко затормозил у крыльца административного корпуса исправительно-трудовой колонии. Дежурный, прогоняя дремоту, успел определить по заляпанному снегом номерам, что машина из Соликамска, глянул на старый круглый будильник: шесть утра, через час светать будет, видать опять из управления, видать проверку прислали, даже не предупредили. На мониторе внутренней связи нажал на красную кнопку с надписью ДПНК, по принятым правилам нужно было срочно предупредить начальника колонии, благо что он нынешней ночью был дежурным по лагерю, а то пришлось бы будить на дому, а там от него матершинных словечек хапнешь с лихвой, все настроение испортит с утра. На другом конце провода отозвался дежурный помощник колонии.

– Куракин, тут видать из управления пожаловали, предупреди хозяина.

Якимов открыл дверцу УАЗа и медленно вылез из машины на снег. Снег приятно хрустнул под ногами, он заметил сильнозевнувшего за рулем Ерохина.

– Снег хрустит под ногами, видать, мороз хороший.

Ерохин по – молодецки выскочил из машины.

– Да, морозец у нас здесь что надо. Машину глушить не буду, а то мигом остынет, потом не заведем, аккумулятор слабеный.

Входная дверь – дверь административного здания осветилась небольшим прожектором, затем послышался треск какого-то механизма и дверь подалась внутрь. Якимов увидел как на крыльцо вышел высокий, крепкий мужчина в белом армейском полушубке нараспашку, на его

лысеющей голове не было даже шапки, несмотря на сильный мороз, он молча уставился на ранних гостей, покряхтел, потом как – то по родственному проговорил.

– Ероха, Володька, ты что ли ?

Ерохин расплылся в довольной улыбке, поправив на голове вязанную шерстяную шапочку.

– Я, гражданин начальник.

– Какими делами, судьбами ?

– Вот друга из Москвы к вам в гости привез.

– Прямо к нам или вообще ?

– И в общем тоже, от вас помощь нужна будет.

Гости подошли и обменялись рукопожатиями, Якимов представился:

– Майор Якимов, Федеральная служба Безопасности.

– Полковник Ошейников, хозяин местного учреждения исправительных работ ну и всех дел нашего края, так сказать, вместе с участковым представляем местную власть. Ошейников как-то не по-дружески жестко посмотрел на Якимова, предложил:

– Прошу ко мне в кабинет там и поговорим.

Внутри каменного здания Якимов заметил, что архитектура относилась еще к сталинским временам, вслух спросил Ошейникова:

– Старенькое здание ?

– Да, заново отстроено еще в сорок шестом, первоначальное здание сгорело. Проходите до конца коридора, там лестница наверх приведет сразу к моему кабинету.

Якимов с Ерохиным двинулись вглубь коридора, Ошейников подошел к дежурному тихо, но твердо проговорил:

– Предупреди всех , что ФСБ из Москвы пожаловало, чтобы держали язык за зубами, и Воронова ко мне немедленно.

Ошейников сразу предложил гостям присесть и достал из холодильника бутылку водки и кусок мяса на плоской тарелочке, скинул белый полушубок, под которым оказалась защитного цвета форма с погонами полковника, выдернул из – за голенища унтов охотничий нож, вытер его о чистое полотенце, висевшее возле холодильника на стене, принялся нарезать мясо. Мясо показалось Якимову какого-то неестественного цвета, темно – красное. Такое мясо бывает, когда животное убьют и не сольют кровь. Ошейников будто прочитал его мысли:

– Это медвежatina. Могу поспорить, такое мясо вы еще никогда не ели. Местные мужики – единственные, кто может его готовить так, чтобы во рту таяло. Да вы что одетые сидите, раздевайтесь! У нас котельная отличная, топят хорошо. Володя, достань рюмки из серванта.

Якимов зевнул в кулак:

– Не рановато водочку употреблять?

Ошейников усмехнулся.

– Привыкай майор! Если хочешь что-то узнать у таежных людей ,в первую очередь угости или угостись беленькой, иначе разговор не получится.

Ерохин поставил на стол стограммовые рюмки, еще довоенного образца, Якимов скинул с себя пальто, повесил на вешалку возле двери. Ошейников заметил под мышками кобуры с пистолетами.

– Видимо, серьезные дела вас к нам привели, железками укомлектованы по полной программе.

Якимов вздохнул.

– Дела серьезные, товарищ полковник.

Ошейников заметно волновался, так как разливая рюмки налил их полными до краев и часть спиртного расплескалось по столу, поднял свою, предложил:

– Ну, по единой ? – выпили по одной, закусили медвежатиной. Она, несмотря на то что была мерзлой и с заметным душком, все-же показалась вкусной и действительно мясо было не жестким, жевалось хорошо и почти таяло во рту. Якимов продолжил :

– Меня интересует Николай Невинный.

Ошейников насторожился.

– Колька Невинный, а что он натворил ? Хороший парень из хорошей семьи, родители его первопроходцы здешних месторождений золота и бриллиантов, благодаря, можно сказать, им, эти места и процветают. Я хорошо знал деда с отцом, друзья с детства, Колька – его первенец.

Якимов закурил, резко бросил.

– Был первенцем.

– Не понял ?

– Николай Невинный на сегодняшний день мертв, его убили при задержании ребята из спецназа.

Ошейников приподнялся со своего места.

– За что ? За какие такие грехи ?

– По нашим сведениям в ваших краях орудует банда под названием «За честь и Славу», возглавляет ее очаровательная девушка по прозвищу Росомаха.

Ошейников опустил на свой стул, Якимов спросил:

– Вы изменились в лице, вам что-то известно про это ?

Ошейников нервно бросил:

– Нет, об этом я слышу впервые. Известие о Николае меня выбило из колеи, отцу-то с матерью каково, он ведь и мне как родной был.

– Вот такие дела, товарищ полковник. Надеюсь на вашу помощь, будем искать преступников вместе, если вам недостаточно моих полномочий, то завтра вы получите указание сверху. Теперь Якимов налил всем рюмки и , не чокаясь, выпил первым, закусив строганиной. На этот раз он вообще не ощутил неприятного тухлого привкуса, за спиной услышал.

– Разрешите?

Резко повернулся и увидел в черной форменной дубленке милиционера, его лицо показалось ему добродушным, даже глупым, он браво козырнул под форменную шапку-ушанку.

– Старший лейтенант Воронов.

Ошейников махнул ему рукой, – проходи. И опрокинул в рот свою рюмку водки.

Ерохин поздоровался и обнялся с вошедшим милиционером, объявил Якимову:

– Это наш местный участковый – мой однокашник.

Якимов поднялся со своего места, поздоровался за руку с участковым.

– Очень приятно, майор Якимов – ФСБ. Присаживайтесь, вы очень кстати, вы нам очень пригодитесь.

До часу дня Якимов старался хоть что-то узнать из жизни Николая Невинного и о банде, которая орудует будто в районе деревни Медведьевка. Как бы не старался Якимов, ничего существенного от местных служивых и участкового не добился, все как сговорились: отвечали одно и то же, – не знаем, не видели, не слышали. – Оставалось только местное население, если быть может что-то не знали представители закона, что уж гражданские могли и слышать, тем более, охотники, они ведь больше всей своей жизни проводят в тайге и могли бы наткнуться на что-либо подозрительное. Сидя в парилке, бане родителей Ерохина, он спросил Владимира:

– А, что , Володя, здесь все должности передаются по наследству?

– Как правило да, приезжих просто нет, а если же появляются, то ненадолго. Поработают на прииске и прощай, а начальство завсегда было из наших. Кто сюда в такую глушь поедет работать из города? Дети рождаются, их родители готовят сразу к будущей профессии, отправляют учиться в город, а там запрос по инстанциям, и возвращается новый специалист.

– С одной стороны неплохо придумано, как в общине. Что, даже ни одного не было, чтобы в городе остались?

– Как нет? Я же остался, молодежи много разъехалось, кто-где.

Якимов зачерпнул ковшик горячей воды, скомандовал , – пригнись. – вода брызнула на камни и сильный пар ударил по спине и в лицо, на секунду показалось, что уши сворачиваются в трубочку. Ерохин опять выкрикнул:

– Ложись на полоч. – и схватился за два больших веника: один пихтовый, другой-березовый и принялся махать ими над Якимовым, нагоняя пару.

Родители у Ерохина не скупилась на угощение, по сравнению с городской столичной жизнью на столе находились продукты, поистине деликатесы: бочковые, белые и черные грузди, маслята, опята, огурцы и квашенная капуста. Все это было великолепной закуской к домашнему самогону. Родители были рады видеть сына, который не баловал их своим посещением. От всей этой домашней обстановки и Якимову стало тепло и уютно на душе, хорошо домашнему, такого ощущения он не чувствовал с самого детства, ведь жил он в строгих условиях, так как отец его был офицером КГБ, и только на летних каникулах, в деревне у бабушки, он мог дать себе волю в своих желаниях, бабушка разрешала все и кормила внука вдоволь.

После очередной рюмки домашнего горячительного, Ерохин старший затынул старую песню, смысл которой сходил к артели, моющей золото в тайге. Мать Ерохина подхватила песню на припев. Владимир, раскрасневшийся и довольный спросил:

– Ну как тебе, Якимов, у нас, нравится ?

– У вас хорошо, – согласился Якимов , и в деревне вашей, что ни дом, так прямо дворец из дерева.

– Времена сейчас такие. Стройся не хочу, тайга рядом.

– Мне кажется, лес тоже денег стоит ?

– А у нас люди не бедствуют, прииски еще работают.

Якимов, соглашаясь с этим аргументом, понимая кивнув, спросил:

– Я хотел бы завтра переговорить с родственниками Невинного.

– Не рановато ли ? Люди, мне кажется, еще не в духе, чтобы отвечать на вопросы.

– У нас мало времени, я и так сегодня их не стал трогать, а они пока у нас первая ниточка к Росомахе, не может быть, что они ничего не знают о его делах.

Ерохин тяжело вздохнул:

– Пойми , Якимов, сбором оперативной информации здесь не обойдешься: все что ты узнаешь от здешних жителей, я тебе и сам смогу рассказать. Это тайга и люди здесь своеобразные. Ты правильно сегодня заметил: они живут здесь как общиной, одной семьей и никто, даже под пыткой, ничего не расскажет, если даже что – то и знает.

– Ты хочешь сказать, что все ваше село – пристанище бандитов Росомахи?

– Нет, просто люди своеобразные. Мне кажется, что нужно начать с леса, с тайги, вот там мы может что-то найдем, тот же прииск хотя бы.

– Возможно ты и прав, в этом что-то есть, по окрестностям мы пошарим обязательно.

Но все-же с родственниками Невинного я завтра переговорю.

Якимов поднялся, мать Ерохина спросила гостя:

– Ты куда сынок ?

– Спасибо вам за угощение, пойду подышу воздухом перед сном.

Владимир поднялся следом, Якимов остановил его.

– Посиди пообщайся с родителями, я тут рядом, во дворе, недолго, подумать надо на счет завтрашнего.

На улице было темно, но большая луна старалась будто компенсировать всю эту темноту, освещая деревню своим светом, висела низко, будто большой прожектор. Полная тишина непривычно давила на уши. Якимов застегнул пальто, под подбородок поднял воротник, спу-

стился с крыльца и вышел со двора на улицу. Где-то неподалеку завывла собака, невольно Якимов подумал, неплохое место для съемок триллера, вдохнул через нос морозного воздуха, в носу приятно защекотало. Он вытащил из кармана сотовый телефон, циферблат показывал поиск сети, подумал:

– Теперь ты до меня не дозвонишься, Танюшка, да и я дурачок, так и не допытался твоего номера телефона, уж что-то ты слишком загадочная, даже телефон твой не определяется, хотя, если мне очень захотеть, я тебя вычислю две секунды, приеду, обязательно займусь этим: вот и будет тебе сюрприз.

Якимов решил пройти до фонарного столба, метрах в тридцати и вернуться в дом. В голову ничего не лезло о Росомахе, и он опять предался воспоминаниям о Татьяне. Поэтому он вздрогнул от неожиданности, когда перед ним вырос здоровенный детина. Он хотел вытащить руки из карманов пальто, но его схватили за руки сзади. Якимов не успел рассмотреть стоявшего перед ним парня, так как свет от фонарного столба светил ему в глаза. Он открыл рот, чтобы проговорить стандартную речь в таких случаях, но в этот момент незнакомец брызнул ему в лицо каким-то раствором из баллончика, он инстинктивно вдохнул полными легкими, и тут-же образ незнакомца стал сливаться с лучами фонаря, он даже не успел о чем-то подумать, потеряв сознание.

ГЛАВА 3.

Исправительно-трудовая колония номер пять находилась, как говорили сами заключенные, у черта на куличках. Кругом за деревянным забором с колючей проволокой раскинулась пышная, непроходимая Уральская тайга. Рядом с колонией расположился ближайший кусочек цивилизации-деревня Медведьевка. В ней проживали старший офицерский состав со своими семьями в одноэтажном деревянном бараке и сто дворов коренного населения – челдоны, люди на вид европейской расы, что вообще для данной местности редкость, так как изначально эти места населяли Татары и Ненцы. Сами Челдоны о своем происхождении отвечали заученной фразой, что они из родни казакам, которые когда – то проходили в этих местах еще с Ермаком и оставались в этих местах жить с Татарами и Ненцами. Конечно советская энциклопедия об этой, малораспространенной нации говорит следующее: Челдон – человек данной местности. Но об этом никто ни в колонии, ни в самой деревне, никто не знал. Челдоны в основном занимались охотой, выделыванием шкур, которые продавали весной и летом на реке Вишера, где заключенные сплавливали лес, заготовленный за зиму. Мужчин в деревне было всего шесть человек: четверо крепких старика за шестьдесят, хорошо стоявших на ногах и чувствовавших в руках мужицкую силу и два молодых – пятнадцатилетних парня, не по годам взрослых, они были братьями близнецами: Митрофан и Кузьма Демидовы. Почему в деревне было так мало мужчин? Причина была простой, шел 1944 год. Декабрь полностью вошел в свои права, через неделю все и охрана Зоны, и местные жители готовились к новому году. Было шесть часов утра. В лагере за забором горнист протрубил подъем. Семья Демидовых жила в доме рядом с баракком администрации колонии. Мать – Евдокия Кирилловна уже испекла в печи пресные лепешки, ведь сыновья уходили в тайгу. Митрофан спрыгнул с печи, одетый в белое солдатское белье, прошел к печи, ковшом зачерпнул из ведра воды, жадно осушил ковш наполовину, бросил его в ведро, повернулся к матери суетившейся у стола, спросил:

– Где Кузьма то, спит еще?

Мать усмехнулась.

– Кузьма то уже дров мне принес, он не ты – соня.

Митрофан накинул на себя, поеденный молью, полушубок, сунул босые ноги в прошитые валенки, вышел на улицу. Кузьма стоял у сарая, ладил лыжи, с утра сильно морозило и Митрофан довольно прокряхтел.

– Эх, хорошо, братуха. Ты куда вечером опять ходил ?

Кузьма, по сравнению со своим братом, был молчалив, относился к любому делу с большим усердием, любил рыбалку и охоту, тайга для него была все: без нее он себя не представлял. Ему не хотелось отвечать брату на этот вопрос, так как он скрывал от своих близких одну тайну. Он сделал вид, что будто не услышал вопроса брата. Митрофан был человеком задиристым, сильным: он мечтал о власти над людьми и как говорится спал и видел когда сможет уехать в город из этих лестных дебрей. О жизни в городе он слышал от старшего лейтенанта Брючкова Леонида, который работал в лагере старшим Кумом, на тюремном сленге, а по официальной должности – начальник оперативной части. С офицерами колонии местная молодежь встречалась в местном клубе, где товарищи офицеры очень часто приносили патефон и проводили танцы, на которых собиралось много местных девушек и вдов, еще в полном рассвете сил. Всего офицеров, работающих в колонии было пятнадцать человек, и только один из них был женатым – это начальник колонии Шляхтин Павел Петрович. Ему было уже за пятьдесят а жене всего тридцать и она была большая любительница танцев. Благодаря ей, они и проходили, она была не прочь пофлиртовать с офицерами, и если получалось, наставить мужу рога. В клубе проходили танцы и грандиозные пьянки, которые заканчивались мордобоем, одним словом, по вечерам в деревне было весело: почти все пили горькую, и вели беседы о войне и городах, в которых кому приходилось жить. Митрофан мечтал добраться хотя бы до Соликамска, до которого было 350 верст по непроходимой тайге. Митрофан толкнул кулаком Кузьму в плечо, грубо с издевкой, проговорил:

– Что, глухой?

– Нет, не глухой, на танцах был.

Митрофан изучающе посмотрел на брата.

– Может ты какую-нибудь кралю присмотрел?

Кровь ударила в лицо Кузьме.

– Может и присмотрел, тебе то что?

Митрофан рассмеялся.

– Что , Кузька, женилка выросла ?

Кузьма промолчал, поставил лыжи к стене сарая, пошел в дом. Митрофан крикнул ему вслед:

– Не вздумай ее в дом тащить!

Кузьма через плечо бросил:

– Тебя не спрошу.

– Нам нищенки не нужны.

Кузьма хлопнул входной дверью. Митрофан сплюнул на снег, вслух проговорил:

– Женишок хренов, бати нет, он бы тебе показал любовь.

Митрофан поежился, пошел к деревянному туалету.

В лагерной столовой, пропахшей гнилой картошкой было до тошноты душно, но, несмотря на это, столовая была забита битком. Голод толкал в столовую каждого и все ждали от нее чего – то нового, лучшей похлебки или хотя бы, несырой хлебной пайки. Осужденный Столеров, от роду сорока пяти лет, стоял в очереди в хлеборезку за своей пайкой хлеба. Ему было трудно дышать вдвойне: у него была открытая форма туберкулеза, и он понимал, что «Старая» рано или поздно придет за ним и очень скоро. Столеров отбыл уже половину своего срока – десять лет и все здесь, в пятой колонии. Он считался первоклассным вальщиком и мог положить дерево в любую сторону при любом ветре. Но туберкулез брал свое, у него становилось все меньше и меньше сил, и он уже еле-еле тянул со своей бригадой до нормы. Столеров взял свою пайку хлеба и его в этот момент обуял сильный приступ кашля. Его кто-то толкнул в спину, он не удержался на ногах и упал на колени, выронив хлеб, который сразу кто-то подо-

брал из пидерастов, и скрылся в толпе осужденных. Столеров хотел выкрикнуть в адрес петуха оскорбление, но кашель сковал горло, он даже не мог вдохнуть воздуха: в глазах потемнело и Столеров потерял сознание. Очнулся Столеров на койке в санчасти колонии. Рядом стояли еще три кровати, но на них никого не было, вокруг было тепло и чисто, в воздухе чувствовался запах хлора. Дверь в палату открылась и вошел начальник санчасти капитан Горошев, он же – единственный доктор на всю колонию, они со Столеровым были примерно одного возраста, да и жили, как знал по слухам Столеров, раньше в Москве. Горошев присел рядом со Столеровым на соседнюю кровать, спросил без особого энтузиазма, погладив свои пышные усы:

– Что, Столеров, отыгрался? Тубик тебя грызет основательно?

Столеров беспомощно согласился.

– Да, товарищ доктор, скоро копыта откину.

Столеров знал, что Горошев никогда не скрывал от эков шансы того на жизнь и задав сейчас этот вопрос, Столеров, надеялся в глубине души, на хоть маленькое снисхождение со стороны медицины. Горошев усмехнулся в усы.

– Копыта ты пока не откинешь, Столеров, организм у тебя крепкий. Кем на воле был? Небось в цирке акробатом?

– Нет, учителем был, преподавал историю и географию.

– Из интеллигентов значит?

– Ага, как будто, только порой мне кажется, что это было не со мной. Жаль что не увижу, наверное, больше Москвы, сгнию здесь.

– Я, ведь тоже москвич, Столеров.

– Я в курсе, товарищ капитан.

Горошев удивился:

– Откуда знаешь?

– Мы ведь, товарищ капитан, живем в спичечной коробке, в зоне все про всех знают.

Горошев понимающе протянул:

– Ну-ну. Что ж, Столеров, постараюсь тебя немного подлечить, у меня есть барсучий жир, берег для исключительного случая, тебе пригодится.

Столеров безнадежно спросил:

– Может впустую все это? Что толку растягивать? Может вздернуться и все?

Горошев похлопал его по плечу, улыбнулся.

– Ты еще на свадьбе своих внуков попляшешь, есть у тебя дети?

Столеров отвел в сторону взгляд.

– Нет, доктор, мне не повезло, я свою единственную и ненаглядную вместе с любовничком пристукнул.

– Поэтому и здесь?

– Да.

– Что ж, в жизни всякое бывает, знай одно, землячок, в лес я тебя больше не пущу, поговорю с кумом, чтобы оставил тебя при лазарете санитаром, не возражаешь?

Столеров искренне обрадовался. Работать на кухне и в медсанчасти было мечтой каждого заключенного. Это считалось раем по сравнению с изнурительной работой лесоповала.

– Если все так и будет, товарищ доктор, то тогда я еще поживу.

Горошев поднялся со своего места прошел к двери, проговорил:

– Не переживай, увидишь еще столицу, скоро война кончится, глядишь, амнистия выйдет.

– Вашими бы устами доктор.

Горошев закрыл за собой дверь. Столеров подумал, может следующий раз спросить его о Демидовых, ведь они как не как приходились ему родственниками: Евдокия ему была двоюродной сестрой, конечно он лично никогда не видел ее, а его отец встречался с этими род-

ственниками еще сразу после гражданской войны, когда попал в эти места в качестве геологической экспедиции. Столеров подумал, все же с этими местами его что-то связывает серьезное, и неспроста он здесь, и он знал, что неспроста. Если он здесь, он обязательно воспользуется тем сокровищем, которое ему оставил отец. Евдокия попала сюда в эту глушь случайно, ее сюда притащил еще девчонкой ее муж Валерий, который вскружил молодой девушке голову в городе Перьми. Тогда шла гражданская война и Валерий оказался в Перьми, где служил в ВЧК, рядовым. После свадьбы он увез девушку с собой в тайгу, в свою деревню подымать советскую власть. Так девушка больше и не видела своих родственников, о ней Столеров знал только от отца, который переписывался с родителями бедной девушки. Мысли Столерова прервали тяжелые шаги в больничном коридоре, кто-то крикнул:

– Товарищ капитан, куда этого?

Голос Горошева торопливо проговорил:

– Несите в операционную! Что с ним? Крови как со свиньи.

Столеров узнал второго, говорившего, это был старшина Спиридонов, очень свирепый в колонии начальник караула, все святое было неприуще ему. Он опять пробасил:

– Этот боров с этапа, его по дороге пырнули, видать блатной, лучше бы сразу завалили наглухую, теперь возись с этой падалью.

Дверь в палату открылась, вошел старшина Спиридонов, оскалил прокуренные желтые зубы.

– Ты что, Столеров, здесь разлегся, почему не в лесу?

Столеров кашлянул в кулак.

– Готовлюсь к праотцам, товарищ начальник.

– Я тебе ,скотина, не товарищ! Если подыхаешь, то давай быстрее, нечего тебе здесь пайку задаром жрать.

– Хорошо.

Спиридонов заводил сам себя.

– Что хорошо?

Столеров промолчал, он за десять лет изучил полностью нрав Спиридонова, если с ним поддерживать долго разговор, он обязательно придерется, и тогда дело плохо, забьет до потери сознания, а в его положении и вовсе убьет. Из коридора кто-то позвал, и Столеров облегчено вздохнул, когда Спиридонов вышел в коридор. И где-то на выходе из лазарета выкрикнул:

– Смерть фашистским оккупантам, смерть всем зычарам поганым, да здравствует вождь мирового пролетариата, товарищ Сталин!

Братья Демидовы уже одетые, с винтовками за спинами и лыжами вышли со двора. В этот момент их окликнул солдат, подбежавший со стороны колонии, тяжело дыша выкрикнул:

– Вас Брючков в штаб зовет!

Митрофан спросил:

– Что случилось? Мы на охоту, нам некогда.

Солдат восстанавливая дыхание, выдохнул.

– ЧП, трое эков сбежало. Ваши мужики уже в штабе собрались.

Митрофан с Кузьмой оставили лыжи и оружие дома, и направились к штабу колонии. Начальство колонии всегда вызывали в штаб местных охотников Челдонов, когда кто-то из заключенных бежал в тайгу. Охотники знали лес и без проблем всегда находили беглецов, им всегда говорили одно, не обязательно беглецов возвращать в лагерь, достаточно подтвердить того, что беглецы мертвы. Чаще всего охотники, в подтверждение, приносили нагрудные знаки заключенных, бирки, чаще всего это происходило зимой, так как по тайге беглецов тащить обратно живыми тяжело. За эту работу, как правило, охотникам платили по несколько килограммов крупы, давали муку и тушенку, одну банку на человека. Митрофан и Кузьма уже

через пять минут были в штабе, в кабинете начальника колонии Шляхтина. Действительно, все деревенские мужики уже были здесь и курили ядерный самосад, дым стоял коромыслом. Начальник колонии и начальник оперчасти сидели за столом, Брючков проговорил:

– Так, все в сборе, приступим. Короче говоря, мужики, побегушников трое, все они расконвоированные, этим и воспользовались: убили часового продовольственного склада, завладели его винтовкой, набрали продовольствия и ушли в бега, дело сами видите – опасное, они вооружены, будут наверняка отстреливаться, знаю что вы рискуете, но без вас мы не сможем обойтись.

Калистрат, старый, сухожилистый, бородатый Челдон спросил:

– Что даете?

Брючков посмотрел на Шляхтина, ответил:

– Даем каждому по десять килограммов перловой крупы, муки, по килограмму табака, литр водки на новый год, по две банки тушенки. Ну как мужики, беретесь?

За всех ответил Митрофан:

– По две пачки патронов, и , кажется, все будет ладно.

Вмешался Калистрат.

– Вас – то, птенцов, не берем.

Митрофан усмехнулся.

– Они, как я понял, ушли ночью, значит далеко, без нас с братом не управитесь.

– Убить ведь могут.

– Ну это мы еще посмотрим.

Брючков заключил:

– Хорошо, мужики, мы добавляем патроны, будьте осторожны. Живыми брать их не обязательно.

Когда все вышли из здания штаба на улицу, Кузьму окликнул опер Брючков:

– Кузьма, подойди на минуточку.

Кузьма подошел к оперу.

– Ну?

Брючков пытался улыбаться, но все-же Кузьма заметил в его глазах злость. Он грубо сказал:

– Если еще раз, Кузьма, я увижу тебя возле Маши Клюкиной, считай, что у тебя появятся проблемы, понял?

Кузьма махнул рукой, развернулся, не сказав ни слова, и пошел догонять мужиков.

ГЛАВА 4 .

Леонид Медведев по прозвищу «Лохматый» был уголовником со стажем. Из своих сорока лет – он двадцать провел в лагерях. Первый раз его привлекли еще в царские времена, но по чистой случайности его не посадили: у его единственной родственницы и матери, которая занималась в Казани проституцией, оказался знакомый адвокат из числа постоянных клиентов, он и смог вытащить мальчика из- за решетки, которого обвиняли в краже и драке. Через два года грянула революция 1917 года, в период которой, перед ним открылись умопомрачительные возможности всеобщей неразберихи: можно было грабить и даже убивать на всю катушку, но Казань для него казалась городком маленьким и он нераздумывая, еще через год двинулся покорять Петроград, где даже вступил в интернациональный полк имени Клары Цеткин. Под маркой красноармейца ему удалось провернуть несколько удачных дел, но произошло непредсказуемое: полк отправили на битву с белой контрой и ему опять повезло. За три дня до отправки полка на фронт, он заболел гнойной ангиной, которую в первую очередь приняли за брюшной тиф, который тогда начинал свирепствовать в Петрограде. Его положили в

военный лазарет, через неделю, в котором, ему поправили здоровье. Удача преследовала молодого уголовника буквально по пятам: ему удалось в лазарете познакомиться с товарищем Коганом, который был командиром отряда народной милиции, и навещал в лазарете жену, больную тифом. Тому приглянулся здоровенный малый и он сразу, после выздоровления Лохматого, забрал его к себе. Вот тогда-то и началась у Лохматого жизнь как в сказке, теперь он мог грабить на полных правах молодой власти, под него попадали дантисты, бывшие банковские служащие, и все те, кто при старом режиме имел дело с деньгами или хороший гонорар. Одним словом, через месяц Лохматый стал заместителем Когана и его доверенным лицом по части конфискации у буржуев награбленного. Они неплохо делили награбленное на троих: Лохматый, Коган, и молодая власть народа. Тогда это устраивало молодую власть, так как она ничего не контролировала и довольствовалась тем, что ей представляли подобные комиссары народного фронта. Жаль для них обоих, что этот кураж все-таки продолжался недолго и на Когана донесли самому железному Феликсу. Брат Когана явился сам Лохматый, тогда он уже был в доме Когана на провах зятя. У Когана была семнадцатилетняя дочь Мария, которая буквально была помешана на революции и богатстве всех буржуев. Она даже не стала препятствовать Лохматому, в тот момент, когда Лохматый разрядил в Когана весь свой наган, мотивировав свой поступок тем, что Коган хотел бежать и оказал сопротивление. Через неделю после этих событий Лохматый сладко зажил в доме Когана с его очаровательной дочерью. Конечно было следствие в отношении и его, но ему все – же везло, ничего в отношении его доказать не удалось, и он с гордостью занял место своего тестя, но уже его отряду конфискацию запретили, железный Феликс прибрал все в свои руки. В милиции Лохматый проработал до тридцатого года и все же судьба отвела ему должное: в пьяном угаре он зарубил свою Марию топором, за что получил двадцать лет и конечно с конфискацией всего имущества. Так Лохматый оказался в тайге и, отсидев добрых четырнадцать лет, ушел наконец-то в бега, предварительно конечно, прихватив с собой двух своих корешей. Лохматый повернулся к Рогу, пыхтевшему за его спиной.

– Молодого пора пускать на колбасу.

Они оба покосились на Крысу, на молодого парня двадцати пяти лет, пришедшего недавно в лагерь с небольшим сроком. Он не знал, бедняга, что его взял Лохматый в качестве продовольствия. Рог посмотрел по сторонам, тяжело выдохнул.

– Через час стемнеет, потом его грохнем.

Отряд деревенских охотников, облачившись по всей форме для охоты, на лыжах двинулись за беглецами. Через полчаса поиска, отряд разделился на две группы по три человека. Одну группу возглавил Колистрат, он всегда выделялся из всех деревенских стариков рвением покомандовать, с ним ушли два старых охотника. Вторую группу взял на себя дед Пантелей, с ним ушли братья близнецы – Митрофан и Кузьма. Через несколько минут пути дед Пантелей указал молча, взмахом руки на две кривые лыжни, рядом с ними примятый снег, третий явно бежал рядом с лыжниками, верней пытался бежать, так как увязал в неглубоком снегу. Дед Пантелей изучив следы вслух высказал свою мысль:

– Сдается мне, что это наши гаврики. Быстро двигаются, сразу видно зажавшиеся зэки, расконвоированные, отличаются от тех, кто лес валит.

Кузьма заметил:

– Далеко, наверное, не ушли. Один без лыж.

Митрофан вставил свое мнение:

– У них было преимущество во времени – целая ночь.

Дед Пантелей заключил.

– К утру достанем, может ночью, кто знает, но судя по следу, пошли к Кваркушу.

Дед Пантелей двинулся по следу. Кузьма рядом с ним спросил :

– Деда Пантелей, а какой им резон идти к Кваркушу, там ведь река не замерзает – быстрая, горная?

Пантелей усмехнулся в седую бороду. Ответил вопросом:

– А ты сам подумай, ведь река горная.

Кузьма сразу догадался и ему стало стыдно, что он не сразу понял, почему беглые направились к Кваркушу, вслух произнес:

– Урал, горы, переход через перевал и их уже никто не достанет.

Объезжая толстую сосну Пантелей проговорил:

– Смышленный ты, Кузьма, учиться тебе надо. Могу добавить к этим побегушникам вот еще что, они идут именно туда, куда нужно, они знают дорогу, другие ведь по незнанию бежали всегда в сторону Коми, к ненцам, о которых слышали через десятое коромысло. А эти идут наверняка, мне даже интересно посмотреть на этих умников, хрен их раздери в десятом колене.

– Эту ведь дорогу знают только наши, деревенские.

– В том – то и дело, Кузьма, в этом весь мой интерес.

В разговор вмешался Митрофан:

– Что на этих выроdkов смотреть, деда Пантелей, на продовольственных складах они ошивались, их сам Шляхтин выкормил на свою голову. Что, ниразу их не замечал, деда Пантелей?

– Не в этом дело, сынок, видеть – то я их видел, мне узнать хочется, кто их надоумил идти к горам.

Кузьма резко остановился, поднял кверху руку, давая понять остальным, чтобы остановились и молчали, впереди, среди кустов и деревьев виднелась поляна. Был уже полдень и поляну заливали солнечные лучи, на поляне стояла Лосиха с Лосенком и аккуратно срывали своими большими зубами тонкие веточки молодой березы. Со стороны казалось, что мать Лосиха учит свое дитя как нужно есть побеги молодой березы. На солнце их рыжекоричневый цвет отливало золотом и слепило глаза. Все трое стояли как зачарованные, наблюдая за таким идеальным семейным обедом. Для охотников, повстречать Лося, было большой удачей. Специально для этого деревенские мужики сбивались в артели и по несколько дней, отматывая по Тайге не один десяток километров в поисках корабля Тайги. Митрофан вскинул свой карабин и прицелился. В этот момент его движение заметил Кузьма и неожиданно ужаснулся от его затеи, в нем почему – то не сработал инстинкт охотника, хотя в другой ситуации он бы постарался пристрелить обоих лосей, так как это бы было большой добычей для всей семьи, о нем бы долго говорили мужики в деревне, но он поступил иначе. Напрягся весь, как пружина вытянулся во весь рост, чтобы дотянуться до брата и повалился на него в тот самый момент, когда тот собирался нажать на спусковой крючок. Оба брата повалились в снег, ружье Кузьмы перевернулось за спиной и он прикладом со всего маху ударил Митрофана в лоб, от чего тот чуть было не потерял сознание и пришел в бешенство вдвойне. Сразу перевернул Кузьму на спину и ударил кулаком брату в нос, и стал его лупить кулаками по лицу, приговаривая:

– Убью, Кузька, бесов сын. Убью, сучье отродье, сто хренов тебе в задницу!

Дед Пантелей вовремя подоспел Кузьме на выручку, Митрофан был в такой ярости, что действительно мог забить родного брата насмерть. Он дернул его за шиворот старого полушубка и со всей силы дернул Митрофана в сторону, тот отлетел в сторону, но наткнулся на свой карабин, который сразу взял в руки, поднялся на ноги и направил его на родного брата, который с трудом поднялся на ноги. Митрофан в гневе выкрикнул:

– Проси, сучонок, у брата прощенье!

Кузьма сплюнул на снег большой сгусток крови, у него была разбита губа и нос, тяжело дыша он выговорил:

– Митрофан, ты что, я – же твой брат, я не буду просить у тебя прощенья, я ни в чем не виноват перед тобой.

Митрофан выдохнул:

– Мне жаль тебя, сучонок !

И начал медленно нажимать на спусковой крючок. Его остановил сухой щелчок затвора. Митрофан резко перевел взгляд на деда Пантелея и увидел перед своими глазами темное, бездонное дуло карабина. Дед Пантелей проговорил:

– Эй, лихой малый, не балуй, это не повод для братоубийства, опомнись Митрофан! Пожалей мать, отца, ты что делаешь, антихрист?

С трудом давя в себе ярость и глубоко дыша от волнения, Митрофан проговорил:

– Он сам меня чуть не убил, он на меня первый накинулся. Вон смотри, лоб мне весь разбил, хочет взять надо мной верх. Не выйдет Кузьма, я все равно тебя сильнее, и старше, хоть и на несколько минут.

Дед Пантелей понял гнев юного мальчика, ставшего не по годам зрелым мужчиной в делах и жизни.

– Митрофан, не горячись, ничего такого он не преследовал, он просто не дал тебе убить лосиху с лосенком.

– Это отдельный разговор, деда Пантелей.

– Нет, сынок, Кузьма захотел спасти этих животных, поэтому поступил так. Опустит карабин и помирится.

– Пусть сначала он скажет что хотел.

Кузьма усмехнулся разбитым лицом, нагнулся, взял в руки снег и приложил один комочек к разбитому носу, другой – к разбитой нижней губе, ответил со смехом в голосе:

– Мне стало жалко лосей, Митрофан, ты мой брат и ничего плохого я против тебя не помышляю, будь кем хочешь.

– А зачем меня прикладом огрел ? Что, теперь, когда чего захочешь сделать будешь бить меня по голове, что под руку попадет ?

Кузьма выкинул в сторону окровавленный снег, кровь свернулась и перестала идти, он от души засмеялся, шутя выкрикнул:

– Точно, брательник, дрова буду колоть, поленом буду бить, бабу в соседней комнате топтать, тебя хреном колотить.

От заразительного смеха сперва начал хихикать, а затем и тоже рассмеялся Митрофан, опустил карабин, оперся на него и начал от хохота раскачиваться в разные стороны. Дед Пантелей убрал за спину свой карабин и тоже стал смеяться, приговаривая:

– Ой, сорванцы, ой дураки, ну вы и кренделя !

Митрофан заливаясь от смеха то и дело выкрикивал:

– А я тебя чуть было не пристрелил как лося, а он животных, оказывается, любит, бабу топтать..... меня хреном колотить.....!

На что Кузьма тоже ухахатываясь, приговаривал:

– Точно топтать да колотить, ведь под рукой у меня ничего другого не будет при топтании.

Его приговаривания придавали всей компании еще большего смеха. Первым остановился от смеха Митрофан. Серьезно проговорил:

– Не держи на меня зла, брат.

Еще улыбающийся Кузьма ответил:

– На дураков не обижаюсь.

Митрофан на лыжах продвинулся к нему, замотал в разные стороны головой.

– Нет, Кузьма, ты меня прости, но мировая так не делается, батяка наш учил нас помнишь чему ?

Лицо Кузьмы стало серьезным.

– Чему ?

Батя говорил:

– Если ты обидел напарника в тайге, то убей его или помирись, будешь мириться, дозволю ему отплатить тебе той-же монетой, так что брат бей мне по морде от всей души и не держи зла.

Кузьма опешил от такого предложения брата. Недоверчиво посмотрел ему в глаза. Митрофан выкрикнул:

– Бей!

Кузьма покосился на деда Пантелея, тот был ошарашен происходящим не меньше Кузьмы, в очередной раз Митрофан выкрикнул:

– Бей! Или мы – враги на всю жизнь!

Кузьма закрыл глаза и ударил брата наотмашь под самый левый глаз. Митрофан упал на спину как скошенная тонкая березка. Кузьма открыл глаза, увидел всю эту картину: брат лежал на спине с закатанными кверху глазами. Кузьма разбитыми губами прошептал:

– Вот дурак, убил наверное.

Дед Пантелей опустился перед Митрофаном на колени, бросил ему в лицо снегу, успокоил Кузьму.

– От этого редко умирают, он парень здоровый, выживет.

В подтверждение его словам Митрофан облегченно выдохнул, пришел в себя, потряс головой по сторонам, улыбнулся, проговорил радостно:

– Молодец, брат, это по – нашему, по – Демидовски, чувствуется наша рука.

Все трое вновь рассмеялись, дед Пантелей с гордостью подумал:

– Молодцы все же наши русские мужики, крепкие, ничто не сломает нас, в этом – то и есть наша сила.

ГЛАВА 5

На весь деревенский клуб звучала русская плясовая, молодые девушки и вдовы отплясывали, не жалея валенок, в такт всем знакомой мелодии, которая перемешивалась со звуком каблучков офицеров и их жен, которых было здесь очень мало. Леонид Брючков стоял на улице и курил уже третью папиросу. Он специально отошел от окон клуба, чтобы его не было видно, он ждал. В деревне было тихо, лишь изредка лаяли собаки и монотонно, возле солдатской казармы, тарабанил танковый двигатель, вырабатывающий для запретной зоны электричество, которым пользовались солдаты в казарме, клуб, и офицерский барак. За своей спиной Брючков услышал женский смех, возбужденный женский голос проговорил:

– Гена, не надо здесь, придержи свой пыл, не ровен час, Паша появится.

Из окна клуба падал свет и Брючков увидел жену начальника лагеря Антонину и лейтенанта Ошейникова, Василия, прибывшего сюда для прохождения службы год назад. Его оставили в тылу по ранению, он служил в действующей армии и имел медаль за отвагу, которую ему и присвоили наверное по ранению, может из-за того, что он побывал на фронте и имел правительственную награду. Брючков его недолюбливал и можно сказать ненавидел, окрестив его для себя птенцом, так как Ошейников окончил ускоренные офицерские курсы где – то в Саратове. Брючков, по долгу своей оперативной службы, знал все про всех, начиная от начальника исправительно – трудового лагеря, кончая последним солдатом, сюда конечно входили и жены офицерского состава: их было всего семь и все они не отличались отменной биографией как, опять же окрестил их для себя Брючков. Все они были проститутками и заядлыми алкашками. Жену начальника лагеря, Антонину, он имел неоднократно, и почти всегда навещал ее днем, когда ее муж – Шляхтин Павел Петрович выезжал с проверкой на лесоповал, а выезжал он туда через каждые два дня. Ошейников был по уши влюблен в Антонину, и Брючков очень часто слушал, как Антонина смеется над его чувствами, издевается над этим сопляком лейтенантом – героем, по этому Брючков ненавидел Антонину еще больше, но пользовался ею, так как ощущал после близости с ней выше себя, чем начальник лагеря роконосец. Появление этой

влюбленной парочки не входило в его планы. Он бесцеремонно подошел к ним. На Антонине была накинута норковая длинная шуба, сшитая на заказ дедом Пантелеем, несмотря на мороз Ошейников форсил и всегда одевал в клуб шинель. Брючков проговорил:

– Вася, какая встреча, как делишки ? А кто это, а это вы, Антонина Васильевна? Что , вышли проветриться?

В планы Ошейникова тоже не входила встреча с Брючковым, которого для себя он считал Особистом и презирал, но все же побаивался, как и все в части и деревне. Но водочные пары и любовь к замужней женщине толкнули его на небольшой подвиг, он набрался смелости, проговорил:

– Ты, Брючков, не язви, мы действительно с Антониной Васильевной вышли подышать свежим воздухом, в клубе накурено.

От такой неожиданной дерзости Брючков на несколько секунд опешил, но железный дух его должности взял верх, он грубо пробасил:

– Вы что себе позволяете, лейтенант Ошейников? Как вы разговариваете со старшим по званию, под замок захотели?

В глазах героя войны мелькнул испуг, поперхнувшись он по – военному ответил:

– Виноват, товарищ капитан!

Удлетворенно Брючков проговорил:

– Когда переберете, не забываете кто перед вами находится, в колонии ЧП, радуйтесь, что вы в наряде и отдыхаете, как полагается. Вы свободны, идите.

Ошейников повернулся на каблуках, под ним хрустнул снег, он скрылся в клубе. Антонина залилась смехом.

– Лёничка не будь букой, зачем так пугать моих поклонников ?

Брючков усмехнулся.

– Сколько у вас их будет, столько я их буду пугать.

– Вы – ревнивый мужчина.

– Может быть, Антонина Васильевна.

Брючкову не хотелось разговаривать с этой похотливой самкой, он добавил:

– На улице становится холодно, пожалейте себя, простудитесь, заболите чахоткой и у вас не останется ни одного поклонника.

Антонина одарила его кокетливой улыбкой, пошла к клубному крыльцу, повернулась через плечо, спросила:

– Ты заглянешь ко мне завтра?

Брючков твердо ответил:

– Нет.

Антонина удивилась.

– Почему?

– Сегодня доставили специальным этапом пятерых урок, мне нужно завтра с ними поработать, они одного проткнули по этапу. Ну ты знаешь, что у нас ЧП и твой муженек будет здесь, будем ждать результатов.

– Можно подумать , на тебе держится весь режим.

– Так оно и есть, дорогая Антонина, здесь все держится именно на мне.

Обиженно Антонина проговорила:

– Что ж, когда – то у меня не будет для тебя времени.

Антонина поежилась от мороза и торопливо вошла в клуб, где уже второй раз патефон выплескивал вальс. Брючков грубо проговорил тихо ей вслед:

– Шлюха.

Услышал хруст снега за спиной, резко повернулся и увидел ту долгожданную, ради которой пришлось выкурить не одну папиросу, поругаться с сослуживцем и любовницей. Ему

навстречу шла Маша Пискова – внучка деда Пантелея, мастера на все руки. Маша, увидев Брючкова, приветливо улыбнулась, за последнее время между ними завязалась какая – то незаметная дружба. Брючков был приветлив всегда и галантный кавалер на танцах, бедная шестнадцатилетняя девушка не понимала, что кроется за всем этим услужливым обращением. Маша спросила:

– А почему вы не на танцах ?

Брючков сделал самое убитое горем лицо. Маша сразу это заметила.

– У вас, Леонид Гердович, что-то произошло?

Брючков тяжело вздохнул.

– Да, дорогая Маша.

– Что, если не секрет?

Неожиданно для Маши, Брючков взял ее за руки, отвел от света глядя в лицо проговорил:

– Вы очень сильно хотите танцевать?

– Что случилось, Леонид Гердович?

Брючков тяжело дыша, спросил:

– Вы мне друг?

Не понимая что хочет от нее Брючков, девушка сказала:

– Конечно, мы друзья, вы меня пугаете, что произошло ?

Брючков был счастлив от того, что держит эту милую, непорочную, не по годам уже хорошо сформировавшуюся девушку. По его телу пробежала приятная дрожь, он мысленно представлял себе ее обнаженной в его объятиях. Дрожащим голосом Брючков ответил:

– Сегодня специальным этапом пришла почта.

– Да, я знаю, мы получили от папы с фронта письмо, у него все хорошо, пишет, что война скоро кончится.

– Я рад за тебя и твоих родных. Но видимо счастья не хватает на всех, до войны я жил в Ленинграде, мои родные...

Голос Брюčkова осекся, он продолжил:

– Они все погибли во время блокады, сегодня я получил письмо от наших соседей, они подтвердили гибель моих стариков.

Маша чисто от сострадания обняла Брюčkова за плечи, прижала к себе.

– Я понимаю вас, крепитесь!

Возбужденно дыша, он пролепетал ей на ухо.

– Милый мой друг, уделите мне внимание, не бросайте меня, побудьте со мной сегодня вечером.

Маша отстранила его с подозрением, спросила:

– Вы что имеете в виду? Я – порядочная девушка.

План Брюčkова чуть было не провалился.

– Вы что Маша, я не думаю ни о чем плохом, я просто хотел пригласить вас к себе в комнату, я понимаю, может это выглядит вульгарно, но мы ведь будем там смотреть фотографии моих родителей, я немного выпью спирта, вас я угощу чаем. Вы – мне единственный друг и я надеялся, что вы разделите со мной мое горе.

Наивная деревенская девушка спросила:

– Вы хотите со мной вместе помянуть своих родителей?

Опытный в делах, чтобы цепляться за слова Брюčkов, сразу ухватился за единственную соломинку, чтобы затащить Машу к себе в комнату, эту соломинку девушка, по своей наивности протянула ему сама.

– Да, да, вы не оставите меня в моем горе?

Маша сдалась.

– Хорошо, только ненадолго.

До барака, где жили все офицеры со своими семьями, они дошли быстро. В маленькой комнате Брючкова было прибрано и уютно. Печь была натоплена и поэтому Маша сняла полушубок, который ей сшил дедушка из хорька. Брючков оказался внимательным хозяином, он поставил на печь чайник, а на стол водрузил плитку шоколада и комковой сахар, что было в этих местах большой дефицит. Шоколад Маша никогда не пробовала, она слышала о нем, ей рассказывали подруги, ей даже перед войной обещал купить шоколад отец, но так и не успел. Весной и летом дедушка менял сшитые за зиму меховые шапки и шубки на сахар соль, муку, порох, патроны, пули. Маша понимала, что эти вещи в жизни очень важные, поэтому никогда не заикалась о шоколаде. Брючков нарезал хлеба, открыл банку тушенки, намазал ее на куски хлеба, открыл бутылку спирта, поставил на стол два стакана, налил в них спирта граммов по сто. Достал три фотографии, на которых были уже пожилые мужчина и женщина, Брючков проговорил:

– Это и есть мои родители, помянем их.

– Я, никогда не пью, я ниразу не пила.

Брючков сделал обиженное лицо.

– Ну, это не по – русски, Маша. Пить – это элементарно. Выдыхаешь весь воздух из легких и пьешь, закусишь шоколадом или можно запить водой.

Маше было стыдно отказывать, она решила уважить убитым горем новоявленного друга.

– Ладно я выпью, но только больше не буду.

Брючков согласился. Они выпили, Маша открыла рот, замахала руками, у нее перехватило дыхание, Брючков подал ей кружку с водой и помог ей выпить. Через несколько секунд девушка пришла в себя, отдышавшись сказала:

– Я думала, что умру.

Брючков протянул ей кусочек шоколада.

– На, закуси.

Маша закусила шоколадом, по телу пробежало приятное тепло, в голове появилось легкое головокружение. Маша первый раз в жизни испытала опьяняющее состояние: ей захотелось поговорить о чем –нибудь, она не понимая почему стала улыбаться, Брючков отвечал ей тем же. Она рассмеялась, спросила, ей хотелось как – то пошутить над Брючковым, она уже забыла по какому поводу находится здесь.

– А скажите, Леонид Гердович, зачем вас не любит народ?

В шуточной форме Брючков пригрозил:

– Эй, эй, милая Машенька, вы затрагиваете политику.

Маша еще раз рассмеялась, Брючков воспользовавшись этим выпил еще пол стакана спирта, закусил бутербродом. Маша настаивала.

– Ну правда, скажите, или вы об этом не знаете?

– О чем ?

– Как о чем ? Вы не знаете зачем вас не любят в народе ?

Брючков начал с ней играть, сделался наивным, на самом деле его профессия научила его не брезгать самой, на вид, глупой информацией.

– В смысле не любит меня народ ?

Маша махнула рукой.

– Вы разыгрываете меня ? Вы же понимаете, что я имею в виду вас, всех чекистов.

Брючков задумался, девочка затрагивала серьезную тему.

– Откуда вы знаете, Маша, что народ не любит нас, преданных Родине чекистов? Ведь вы это не придумали ? Вам об этом кто – то сказал ?

Ничего не подозревая, наивная деревенская девочка выложила все напрямую, как из печки пирога.

– Мой деда Пантелей так говорит.

В лицо Брючкова ударила краска злости, но он нашел в себе силы сдержаться. У него был свой план, но сказанное – взял на заметку. Он решил перейти к делу, положил на руку Маше свою руку. Хоть Маша и была под хмельными порами, все же сообразила, что Брючков замыслил неладное. Она поднялась со своего места, накинула на плечи свою шубу, одела шапку, проговорила:

– Извините, Леонид Гердович, мне пора , извините, я наверное такую глупость вам наговорила, вы обиделись?

Брючков резко поднялся, взглянул на нее глазами голодного, похотливого хищника..

– Может и обиделся, Машенька, но ты сможешь сгладить это.

Брючков схватил ее за плечи. У Маши от испуга широко раскрылись глаза, Брючков своим большим ртом обхватил губы молодой девушки и начал с жадностью сосать их, проталкивая в ее рот свой толстый язык. Маша, ни разу до этого не целованная девушка, начала задыхаться от этого поцелуя, грубые мужские руки стали похабно, до боли хапать ее за груди. Маша застонала, и изо всех сил укусила язык Брючкову, она чуть было не откусила ему язык, он грубо отшвырнул ее на постель, Маша с жадностью глотала воздух. Он опять двинулся на нее и накинулся сверху, сплюнув с языка сгусток крови, прорычал:

– Распрягайся , волчица ! Я тебя сейчас научу как нужно ублажать натуральных чекистов.

Брючков придавил всем своим телом девушку к кровати, она закричала, он ударил ладонью по ее лицу, девушку затрясло, она извивалась под ним, боясь закричать, чтобы не получить следующую пощечину. Когда его руки уже грубо залезли ей между ног, в дверь сильно постучали. Но Брючков не как не отреагировал на этот стук, ведь он был почти у цели. Но когда за дверями раздался грубый мужской голос, он отреагировал:

– Товарищ капитан ! Товарищ капитан!

Недовольно Брючков крикнул, прикрыв девушке рот ладонью:

– Какого черта ! Кто там ?

– Это я, товарищ Капитан !

– Кто я, болван ?

– Я – старшина Спиридонов, меня к вам Шляхтин прислал.

– Что случилось ?

– Не знаю, но он требует, чтобы вы немедленно прибыли в штаб.

Брючков выругался:

– Вот сука, спокойно бабу трахнуть нельзя.

Выкрикнул:

– Передай, сейчас буду.

За дверью послышались торопливые удаляющиеся шаги. Нехотя, и еще глубоко дыша от возбуждения, Брючков встал на ноги, торопливо застегивая свою ширинку. Маша вскочила с постели и пулей бросилась к двери. Пока она дрожащими от волнения руками искала на двери шпингалет, Брючков проговорил.

– Сама приползешь, на коленях просить меня будешь, чтобы я из тебя сделал бабу.

Маша выскочила за дверь и через несколько секунд оказалась на морозе за углом барака. Здесь она отдышалась, но от того, что она вспомнила как толстый язык Брючкова залез ей в рот, от этого ее стошнило.

ГЛАВА 6

Дед Пантелей проснулся как всегда первым, разбудил братьев Демидовых, они спали на мягких пихтовых ветках, которые они сделали в виде лежака возле костра, было морозно, и еще только рассветало. Подкидывая в костер толстые сухие ветки сосны дед Пантелей спросил:

– Не околели, чертята ?

Разгибая отекавшие за ночь ноги отозвался Кузьма:

– Вроде нормально, дед Пантелей .

Митрофан смачно зевнул.

– Если бы не ты, дед Пантелей, мы бы точно околели, я видел как ты ночью подкидывал дров в костер. И когда ты спишь, старый ?

– А нам старикам хватает пару часов, да к тому же в тайге ночью кто – то должен следить за костром, тем более зимой. Нынче волков много.

Охотники на скорую руку позавтракали черствым хлебом, запили горячей водой, которую вскипятили в котелке, положив туда снега, тронулись в путь. Через час рассвело и они наткнулись на стоянку беглецов. Дед Пантелей предупредил братьев взмахом руки , что впереди стоянка. Он был опытным охотником и сразу его нос уловил присутствие впереди беглых людей. Прячась за деревьями охотники приблизились к небольшой поляне. Среди вековых толстых сосен на поляне было множество человеческих следов, в середине поляны еще дымился костер, а возле него был примят снег и повсюду разбросаны сосновые ветки. Людей на поляне не было. Братья спрятались за деревьями, дед Пантелей вышел на поляну один, подошел на лыжах к еще дымившемуся костру, дулом ружья откинул рядом с костром груды сосновых веток, было слышно как он матерно выругался, взмахом руки пригласил братьев Демидовых к себе. Братья, озираясь по сторонам, приблизились к деду Пантелею. Он кивком головы указал на груды веток, по телу обоих братьев пробежала неприятная дрожь от увиденного: под ветками лежало полуобнаженное тело мужчины, он был весь в крови, ягодицы и ляжки были у бедняги вырезаны. Дед Пантелей проговорил:

– Такого вы еще не видели, сынки.

Кузьма поинтересовался:

– Что это с ним, деда ?

Дед Пантелей перекрестился.

– Этого бедолагу прихватили с собой на продукты, у него не было лыж, поэтому они его так быстро разделали.

Митрофан протянул:

– А я смотрю, раны не похожи на те, что получаешь от зверей.

Дед Пантелей нагнулся к окровавленному телу заключенного и перевернул его на спину, проговорив:

– Люди бывают хуже зверей, я в своей жизни насмотрелся на беглых, эти то торопились, поэтому отрезали только мясистые места тела, обычно мы находили полностью разделанные трупы.

На удивление охотников бедняга застонал, он был еще жив. Дед Пантелей обтер ему снегом окровавленное лицо, бедняга открыл глаза, слабо простонал, проговорил :

– Помогите пожалуйста, люди. Ой, мама, больно ! Я Жить хочу, люди

Кузьма снял из за спины солдатский вещевого мешок, достал из него небольшую рогожу, служившую ему подстилкой на охоте, прикрыл бедняге обнаженные ноги. В этот момент вдалеке прозвучали три выстрела, дед Пантелей выпрямился во весь рост, сказал:

– Калистрат стреляет, его карабин , где – то около реки, видать настигли беглых.

Дед Пантелей повернулся к Кузьме, приказал:

– Кузька, оставайся с раненым, разожги огня, подтащи его поближе, околеет еще, хотя и так не жилец наверное, уж больно жалобно просил помочь, негоже так просто дать околеть, не по христиански это. Мы с Митрофаном к реке двинем, может, помощь нужна.

Дед Пантелей с Митрофаном скрылись в лесу, Кузьма профессионально разжег уже потухающий костер, сделал из веток подстилку, переложил на него раненного заключенного, прикрыл его рогожей. Раненный от боли в ранах, не обращал внимания на лютый мороз, конечно-

сти его рук были уже черными и Кузьма не без удивления подумал – и как еще этот человек жив, такие страшные раны, обмороженные руки, любой зверь бы уже помер. Из глаз раненного потекли слезы, он смотрел на Кузьму жалостливыми глазами, слабо с надеждой в голосе, проговорил :

– Я ведь тебя в деревне видел, парень, ты за нашими складами с какой –то девчонкой всегда встречался по вечерам, когда в клубе мусора для ваших баб танцы устраивали. Скажи мне, братишка, я жить буду ?

Кузьма покосился на раненного. Ответил с надеждой в голосе:

– Конечно, выживешь, не переживай. Как звать – то тебя ?

– Иваном, браток, но я слышал вы ведь охотники нас в плен не берете, на месте стреляете.

Кузьме стало неприятно от этого прямого заявления, он потупил взгляд, ответил:

– Правду говорят, не врут, но тебе повезло, что ты к нам попал, а не Калистрату с его старой гвардией дружков, те долго не церемоняться, выстрелы небось слышал , видать Калистрат твоих сотоварищей достал. Ты мне вот что, Ваньша, скажи, зачем бежал – то ?

Зэка, жалобно вздохнул, ответил:

– Лохматый и Рог золото обещали.

Кузьма усмехнулся.

– Они же такие, как ты, откуда у них золото, чудак ты человек.

– Лохматый снюхался с кем – то из местных ваших, те ему и сказали, что у вас здесь можно золото мыть.

Кузьма хотел еще поподробнее расспросить Ивана, но не стал, так как из леса на поляну выехали на лыжах все охотники вместе с дедом Пантелеем и Митрофаном. Дед Калистрат еще с края поляны выкрикнул:

– Ну что , Кузьма, жив еще беглый ?

– Жив, деда Калистрат, в деревню его надо, не ровен час, помрет.

Охотники приблизились к костру, Калистрат , не задумываясь , вскинул карабин и выстрелил беглому в голову. Калистрат не целился и поэтому пуля вошла в голову бедняги как – то с боку, он дернулся от боли, его мозг еще работал и перед тем как ему испустить дух, беглый проговорил:

– А ты , парень, говорил, что выживу.

Кузьму охватила ярость, он выхватил нож, сбросил с себя лыжи и кинулся на Калистрата, выкрикнув:

– За что дед ?

Дед Калистрат хоть и был стар, все-же в нем была сила и реакция старого охотника была отменной. Он вскинул свой карабин и успел дулом ткнуть в грудь кинувшегося на него молодого парня, уверенно грубо проговорил:

– Остуди пыл, сынок ! Пристрелю не задумываясь.

Вмешался дед Пантелей:

– Не надо , Кузьма, ничего сейчас не изменишь, что поделаешь , если Калистрат – дрянь человек, о матери подумай, навлекешь беду на всю семью.

В подтверждение последним словам Пантелея, Калистрат добавил:

– Вот именно, упрячут в каталажку самого, тогда узнаешь.

Слова деда Пантелея возымели на Кузьму должный эффект, он беспомощно опустил руки. Калистрат проговорил:

– То-то же, забыл что начальство приказало, чтобы всех кончали, опер. Брючков не любит, чтобы его ослушались.

Калистрат повернулся ко всем остальным охотникам, приказал:

– Пошли, мужики, мы свое дело сделали.

Калистрат сорвал с мертвого беглого бирку, пришитую к тонкой каторжанной тужурке и первым двинулся в тайгу. Дед Пантелей обнял за плечи Кузьму, проговорил:

– Не огорчайся , сынок.

С униженным самолюбием Кузьма ответил:

– Я ведь ему обещал, что он выживет.

Понимаю, Кузьма, видать, такова его участь, прими Господи его душу. Пошли, надо возвращаться.

К Кузьме подъехал брат Митрофан, протянул ему его ружье, улыбаясь подковырнул брата:

– Не плачь по этой твари, он и так бы умер.

Митрофан двинулся в лес за дедом Пантелеем. Кузьма закинул за спину вещмешок и карабин, виновато покосился на труп Ивана, проговорил:

– Извини.

И пошел догонять охотников. Через несколько минут он нагнал деда Пантелея, у того было задумчивое лицо, Кузьма подумал, что дед тоже переживает этот скверный случай, поэтому сказал:

– Спасибо тебе, дед Пантелей.

– За что , Кузьма ?

– За то , что поддержал меня. Я ведь вижу , ты тоже переживаешь о случившемся.

Дед Пантелей усмехнулся.

– Сынок, я об этом даже не думаю, на мне таких грехов больше , чем предостаточно, лагерное начальство нас использует в качестве собак ищеек не один десяток лет, мы в этом деле незаменимы. Просто у меня есть еще совесть и я считаю, что зэки – тоже люди и у них есть такие же права на жизнь, как и у нас, ты не представляешь, Кузьма, сколько у нас люду сидят в лагерях за не понюх табаку. Просто я думаю о другом.

Кузьма поинтересовался:

– О чем, деда ?

– Ты, Кузьма, человек с душой, поэтому тебе скажу.

– Могила, никому не проболтаюсь.

Дед Пантелей горестно, загадочно выдохнул:

– Калистрат ведь не пришел тех двоих.

Кузьма удивился:

– Как это ?

– А вот так , сынок, я ведь трупов не видел и Митрофан их не видел. Калистрат сказал, что они трупы в реку скинули в польнюю. И крови на снегу не было, даже лыжи куда-то пропали. Усек ,Кузьма?

– Да ведь лыжи для охотника у нас зимой на вес золота.

– То-то и оно , сынок, не чисто здесь, не чисто.

Ночевать в лесу охотники не стали и вернулись в деревню в два часа ночи следующего дня. Все разбрелись по домам, решив утром доложить начальству лагеря о выполненной работе. Дед Пантелей зайдя во двор своего дома и сняв лыжи, сразу заметил что – то неладное, его не встречал как всегда, верный пес по прозвищу отважный. Пантелей приставил свои лыжи к поленнице, плохое настроение сменилось тревогой. На всякий случай он передернул затвор на своем карабине, в деревне кое – где лаяли собаки, значит кто – то где то не спал. Дед Пантелей, подходя к собачьей конуре, позвал пса:

– Отважный, дорогой , я вернулся.

Собак охотники в погоню не брали по причине того,чтобы преследуемые всегда были застигнуты врасплох . Пес не отзывался, дед нагнулся и, в свете луны увидел, что его пес лежит

в конуре, а его лохматая, большая голова разворочена пулевым ранением, сама лицевая сторона конуры также имела три пулевых отверстия. Дед Пантелей вслух проговорил:

– Значит, стреляли из автомата.

На его голос отозвались с крыльца дома:

– Правильно, Пантелей, я лично пришил его как врага народа и тебя пристрелю, если карабин не откинешь в сторону.

В свете луны Пантелей рассмотрел говорившего, это был старшина Спиридонов, в руках у него был автомат. Пантелей не мог понять, что происходит, хотел спросить Спиридонова в чем дело, но услышал за спиной как хрустит снег под чьими-то ногами, он обернулся, увидел пятерых солдат с винтовками. Спиридонов еще раз предупредил:

Бросай карабин, не доводи до греха.

Дед Пантелей спросил :

– Что с семьей ?

– Живы здоровы, пошли, тебя Брючков ожидает.

Пантелей положил карабин возле конуры, в этот момент на него налетели солдаты и начали его избивать прикладами. На шум выскочили его старая жена и внучка Маша с невесткой, Спиридонов на них прикрикнул.

– Назад, выблядки врага народа, всех порешу !

Вся деревня огласилась собачьим лаем и уже через час вся деревня знала, что всеми любимый дед Пантелей арестован, как враг народа и пособник фашисткой Германии, наивно, но это был факт для малограмотных селян.

ГЛАВА 7

Столеров профессионально прицелился топором и резко ударил по березовому полену, разрубил его на две части. После недельной лечебной профилактики со стороны начальника медсанчасти, чувствовал себя намного лучше, Горышев сделал с ним чудо. Столеров разрубил две половинки еще пополам, разрубленные поленья сложил на руку, зашел в санчасть, прошел по коридору к большой железной печи. В печи, потрескивая, догорали сосновые поленья, по больничному бараку распространялся приятный хвойный запах. Из рядом находившейся палаты донесся слабый голос. Столеров сразу понял: новичок все – таки оклемался. Горышев сделал ему операцию сам, новичок прибыл с последним этапом, в плохом состоянии: его сильно почикали ножичком, Горышев сомневался, что он выживет, так как потерял много крови. Горышев, в данный момент, находился в столовой на завтраке, и поэтому Столеров на правах санитаря вошел в палату, аккуратно вытирая руки об засаленные штаны. Увидел, крепкого телосложения, новичка, но с бледно – желтым лицом. Столеров подошел к нему, присел на соседнюю кровать, спросил .

– Что, оклемался, бедолага ?

Новичок слабо, через зубы процедил:

– Бедолаги, суки, пидоры, а я стопроцентный бродяга по жизни.

В голове Столерова промелькнула мысль: неужто, законник перед ним, неуверенным тоном поинтересовался:

– Как величать тебя, бродяга ?

Белые губы новичка тронула надменная улыбка.

– Что, хочешь в кореша набиться ?

– Да, нет. Так интересуюсь.

Новичок усмехнулся.

– Ладно, не грузись, норов у меня такой, для корешей по жизни и братвы – я Антоха Князь, слышал ?

Столеров не поверил своим глазам, перед ним лежал на больничной койке знаменитый вор, урка всем уркам, знаменитый медвежатник из Одессы. Столеров улыбаясь выдохнул:

– Кто ж не знает Князя, на всех централах только о тебе и базар.

– Не пуржи, о мне уже давно не слыхать.

Столеров согласился.

– Сейчас не знаю, но лет семь назад, базара хватало, век воли не видать.

Князь осадил его:

– Хорош, суши базар. Как самого – то звать ?

– Столер.

– Как положение в лагере, Столер ?

– Да как и везде, лютуют мусора, режем дрянь, голод, холод. Наверное нужно отписать в лагерь о тебе, отпиши, я маляву в лагерь выгоню.

– Не торопись, Столер. Не примет меня братва, я для них скурвился. Если вор воевал, значит, сука, значит рожа автоматная. Мусора это все мутят, войну хотят среди воров разжечь, чтобы мы друг друга перерезали.

Князь тяжело вздохнул, продолжил:

– Скоро все лагеря от этой политики кровью захлебнутся. Кто за лагерем смотрит?

– Сережа Ягода.

Князь удивился.

– Знатный браток, мы с ним давно знаем, ему сейчас, если память мне не изменяет, около семидесяти. Кто еще из бродяг есть, Лентяй, Парамон, Грозный, здесь ?

– Грозный от чахотки умер еще той весной, остальные здесь.

В глазах Князя сверкнул злой огонек.

– Меня сильно зацепили ?

– Порядочно, ты уже здесь без памяти дней восемь паришься, тебя в полном отрубке еще с этапа приволокли.

– Значит, Ягодка обо мне знает, будем ждать гостей. Ты – то здесь, что? За санитаря ?

– Да, тубик у меня.

– Понятно, надеюсь, не кумовой.

– Нет, земляк у меня здесь за начальника, он то тебя с того света вытащил.

Князь в очередной раз улыбнулся.

– Ты не поверишь, Столер, меня за всю войну пять раз латали и никогда, ниразу, ни за единый срок, горестно даже.

Столеров почесал затылок, неуверенно спросил :

– Ты что, и награды имеешь ?

На бледном лице Князя появился румянец. Видимо, память о войне ему была дороже, чем вся уголовная жизнь.

– Наград меня всех лишили, браток, а их бы на нас обоих хватило с лихвой, если бы к герою не приставили, наверное, разменяли бы, спасибо командиру полка, отмазал, дали срок.

– За что ?

Война для меня закончилась в Венгрии, слыхал про такую страну ?

– Да.

– Ну вот, потянуло на старое, подломил в одном городке в банке сейф, особисты меня на выходе и запалили. Горестно даже, ведь я почти с самого начала войны как мужик на нашу Родину пахал, взял немного у буржуев на жизнь, и, на тебе.

– Одно не пойму, как так, ты такой знаменитый авторитет, криминал, и на фронт подался.

Князь хитро прищурился.

– Блатовать мы, Столер, будем на воле, я люблю страну, в которой вырос и живу, я не хочу, чтобы нашу Россию – матушку какие – то поганые фраера имели, понял, интеллигент?

Все в жизни предсказать невозможно, вот ты думал, что когда –нибудь окажешься за решеткой ? Ведь видно, что паришься здесь не по уголовке, политический ?

– Вроде того.

– И еще ,наверное, учитель.

– Точно.

– Вот видишь интеллигент, что значит школа жизни, вижу людей насквозь.

Столеров удивленно протянул:

– Да...

Князь попросил:

– Куревом то не богат, Столер ?

– Нет, но непременно достану.

Князь тяжело вздохнул, и в этот момент в палату, шаркая ногами, вошел вор – Ягода, бросил на Столерова презрительный взгляд, резко приказал:

– Брысь отсюда !

Выходя из палаты, Столеров, услышал, как Князь ненаигранно, радостно проговорил:

– Рад видеть тебя, брат Ягода.

На что Ягода ответил взаимностью:

– Я тоже рад видеть тебя, Антоха Князь. Не ожидал встретить на этом свете.

Столеров вышел из палаты, прикрыл за собой дверь, но им обуяло такое любопытство узнать, о чем будут говорить криминальные авторитеты, что он прильнул ухом к двери.

Ягода, хриплым старческим голосом монотонно заговорил:

– На братву зла не держи, молодые они еще. Как тебя сюда угораздило, ведь ты у нас начал новую жизнь ? Или в армии тоже криминал имеется?

– Нас ведь не исправишь, Ягода.

– Но ты ведь решил исправиться сам, тебя ведь никто не заставлял за автомат браться.

По всей видимости, братва тебе надоела, потянуло к мужикам.

– Зря ты так, Ягода. На фронте нашей братвы хватало, мы Родину защищали от этих фашистских петухов.

Ягода по – старчески хохотнул.

– Ну рассмешил, князь, когда вы все патриотами стали, теперь небось вас козырней нет среди порядочной братвы, герои, твою мать! О какой Родине ты мне жуешь, Антоша ? Мне до фени, кто над нами будет стоять, что Гитлер, что Сталин, я – вор и буду воровать при любой власти, я – вор и горжусь этим. То, что ты и те ,кто воевали хотят думать, что достойны нашего воровского круга, то глубоко в этом заблуждаются, вас будут мочить во всех лагерях и пересылках, вы – те суки, которые защищали тех мусоров, которые охраняли ваших братьев в лагерях и заставляли жрать их гнилую пайку. Не мне тебе говорить, сколько гнида Сталин людей за зря сгноил с этого света. Мое мнение ты знаешь, скажу по старой дружбе правду, в лагерь не поднимайся, защитит я тебя не смогу, замочат, на санчасти конечно не тронут, на крест руку не поднимут, святое.

Было слышно, что Ягода поднялся с кровати.

– На вот, табаку тебе принес и хлеба немного.

Князь спросил:

– Неужто ты не понимаешь, что вся эта война между нами – ворами на руку мусорам?

– Может и на руку, Антоша, но есть наш воровской закон и ты знаешь, что ожидает тех, кто его нарушает и предает своих братьев, только порядок может сохранить наше братство, не в окопах надо было благовать, а с братвой пайку делить. Мне пора, от души рад был видеть тебя живым здоровым, жаль время для базара маловато, ведь есть что вспомнить, мне тебя будет не хватать, Антоша. Береги себя.

Столеров прошмыгнул в свою палату. Ягода, шаркая ногами, вышел из больничного барака. Столеров, после его ухода, появился снова у Князя. Тот недовольно проговорил:

– Подслушивать нехорошо, интеллигент.

Столеров смущенно усмехнулся.

– Понравились вы мне, как человек, вдруг что-нибудь произошло бы.

– Ягода сам на мокруху никогда не пойдет, тем более в отношении меня, нас очень многое объединяет. Сверни мне, Столер, лучше папироску, курить хочется, устал я что – то.

Но поспать Князю не удалось, буквально через пятнадцать минут в его палату вошел начальник оперчасти Брючков. Он еще в коридоре осведомился у Столерова на счет того, пришел в себя новичок или нет. На его губах появилась злорадная довольная улыбка, он вслух произнес:

– Очень хорошо.

И пнув ногой дверь палаты, где лежал Князь, вошел во внутрь, даже не закрыв за собой дверь, поэтому суетившийся у печки Столеров опять стал свидетелем не очень – то ласкового разговора.

– Что, урка, глаза прищурил ?

– А, что мне, начальник, может и дышать нельзя ?

– Не остри ! – резко отрезал Брючков. В твоём положении плакать лучше.

Брючков присел рядом с ним на кровать, где только – что сидел вор Ягода.

– Хуже не будет.

– Как сказать.

– Ты что, местный Кум ?

– Не кум, а начальник оперчасти.

– Значит, самый старший кум, – заключил Князь.

Брючков закурил сигарету, использованную спичку кинул Князю в больничный тапок. Он вел себя бесцеремонно.

– Что, осужденный Остапенко, делать думаете ?

Князь непринужденно ответил:

– Жить, начальник, раз выжил.

Брючков выпустил дым через нос, покачал головой.

– Трудновато тебе дальше жить придется, урки тебя не примут. Что из себя представляешь я знаю. Ты так это дело не оставишь.

Князь наигранно усмехнулся.

– Какое дело, начальник ? Я же не прокурор, чтобы дела стряпать.

– Ты мне, Остапенко, дурочку здесь не пари, у меня здесь ваша братия тихо живет, так сказать, живем душа в душу, любовно. И мне здесь беспорядки не нужны. Тебе это понятно, мразь ?

Князь протянул:

– Понятно... кум, как не понять, только ведь я тебе этого обещать не могу.

– Почему ?

– Так ты ведь сам говоришь, братва на меня зуб точит, значит не получится любовно, как ты хочешь, разойтись.

Брючков глубоко затянулся едким табачным дымом, опять выпустил клуб дыма из носа.

– То что пришьют тебя, это ерунда. Дело в том, что в лагере есть людишки, которые тебя уважают до сих пор и пойдут за тобой. С одной стороны, это мне на руку, но есть одно но, их меньше, чем людей Ягоды, вы проиграете. А шуму наделаете на все управление. Короче говоря, я договариваюсь с Ягодой, чтобы тебя не трогали, ты обещаешь мне не мутить в лагере воду, иначе сам лично пушу в расход, время военное.

Брючков поднялся на ноги, бросил на грудь Князю три папиросы.

– Это тебе за то, что кровь ради Родины проливал.

Глава 8

Брючков снял свой белый офицерский полушубок, стряхнул с него снег, повесил его на вешалку у двери, шапку положил на шкаф, размял замерзшие пальцы. Подошел к тумбочке, достал початую бутылку спирта, налил пол стакана, выпил, запил из заварочного чайника, довольно побряхтел, расположился в удобном кресле за столом, откинул голову на спинку стула, вытянул ноги, закрыл глаза, и по видимому задремал, так как вздрогнул от скрипа входной двери кабинета, открыл резко глаза. И расплылся в довольной ехидной улыбке. Перед ним стояла Маша в своей дорогой шубе, сшитой ее любимым дедом. Несмотря на то, что на улице был сильный мороз, Маша была бледной, было заметно, что она боится и с трудом держится на ногах от страха, она с трудом выдавила из себя:

– Я пришла к вам.

Брючков наслаждался своим положением, делая вид, что ничего не понимает, проговорил :

– Милая Маша, что случилось, дорогая ? Чем я тебе могу помочь ? Не стесняйся, спрашивай, я всегда к твоим услугам. Присаживайся, в ногах правды нет, дорогая.

Маша неуверенно присела на табурет, стоявший возле стола.

– Я хочу с вами поговорить, товарищ Брючков.

Брючков участливо кивнул головой.

– Конечно, поговорим, Машенька, я слушаю тебя, милое дитя.

Дрожащим голосом Маша спросила:

– Почему вы арестовали моего дедушку ?

Брючков развел руками.

– Милая Машенька, вы же сами знаете, что ваш дедушка ненавидит советскую власть.

– Я ничего такого не знаю.

– Ну как так? Не вы что ли, Машенька, сказали мне по секрету, что ваш дедушка ненавидит нас, чекистов? Может быть у вас есть другой дедушка ? Может мы арестовали не того ? Это же твой дедушка Пантелей ?

– Да , мой.

Тогда ошибки не произошло, мы выявили с помощью вас врага народа, вы заслуживаете благодарность.

Брючков поднялся со своего места, тело Маши затрясло мелкой дрожью, он подошел к ней со стороны спины. Маша тихо проговорила:

– Вы же знаете, что мой дедушка никакой не враг народа, вы меня неправильно поняли.

Брючкову надоела игра, он хотел побыстрее добиться неизбежного, он прямо задал ей вопрос, положив свои руки ей на плечи:

– Маша, давай напрямую.

Маша кивнула головой. Брючков продолжил :

– Ты хочешь, чтобы я освободил твоего непутевого деда ?

– Да.

– Но ты ведь умная девочка и знаешь, что такие дела так просто не делаются.

– Да.

– Что ты можешь мне предложить ? Что у тебя есть ?

Маша сгорала от стыда, она не знала, что делать целых два дня, после ареста дедушки. Она все рассказала бабушке и матери, которые прокляли ее, и уже два дня не замечали. Их добрые отношения превратились в настоящий ад. Встречи с Кузьмой она избегала, так как боялась, что узнай об этом Брючков, он непременно так же отыгрался и на нем.

– У меня есть то, что вам нужно товарищ Брючков.

Брючков усмехнулся, вернулся на свое место, развалился в кресле, закинул ноги на стол, закурил папиросу.

– Что у вас есть, Машенька, такого, от чего я не смогу отказаться?

Голос Маши осекся:

– Это я.

– Вы хотите сказать, что предлагаете свою невинность, свою юную плоть взамен на освобождение вашего деда ?

– Да.

– И вам не стыдно, Маша ? Вы таким поведением падаете до уровня самой пошлой потаскухи, вы уподобитесь шлюхе.

– Пусть так, но я не прошу себе всю жизнь тот факт, если мой дедушка умрет из – за моей глупости.

– Так, так. Брючков демонстративно затушил окурок в пепельнице.

– Ктонибудь знает, что ты пришла ко мне?

– Нет.

– Встань и закрой дверь.

Маша повиновалась, подошла к двери и закрыла ее на ключ. Повернулась лицом к Брючкову. Брючков приказал:

– Снимай с себя одежду, и потихоньку.

Дрожащими руками Маша начала раздеваться. Брючков наслаждался происходящим чувствуя как плоть восстает во всей мужской силе, он торжествовал, предвкушая долгожданную близость, мечта сбывалась. Когда Маша осталась в чем мать родила, прикрывая, стыдась обнаженные, не тронутые ни разу мужчиной красивые упругие груди, Брючков в очередной раз приказал :

– Встань на колени и ползи ко мне.

Маша опустилась на колени, из ее глаз брызнули слезы, она медленно двинулась к Брючкову, деревянный неровный пол больно врезался занозами в колени. Брючков смотрел на нее как удав на приговоренного кролика. Медленно расстегнул партупею и ширинку. Маша на коленях подползла к своему издевателю. Хриплым от стыда и страха голосом попросила, взяв с груди серебрянный крестик, висевший на ее шее, выставила перед собой:

– Поклянитесь, что после этого выпустите моего дедушку, поклянитесь перед богом.

Не задумываясь, с ухмылкой на лице, испытывая в теле приятную дрожь, Брючков ответил.

– Конечно, клянусь, сладкая моя. Он взял ее груди и буквально простонал. Иди ко мне, все будет хорошо.

Брючков насиловал Машу в извращенной форме до двенадцати часов ночи, периодически заставляя ее пить с ним спирт. Наконец, насытившись и осуществив все свои самые поганые мечты в отношении ее, он позвонил по внутреннему телефону в караульное помещение:

– Караулка, это Брючков, кто говорит ? А, старшина Спиридонов, быстро ко мне...

Спиридонов не заставил себя долго ждать, прибежал через пять минут. Брючков сам открыл ему дверь. Маша лежала на своей шубе, совершенно обессиленная, бесстыже раскинув голые ноги. Увидев молодое обнаженное женское тело Спиридонов присвистнул:

– Ничего себе.

Брючков прикрыл за ним дверь.

– Ты только подумай, Спиридонов, пришла сучка пьяная и предлагает себя мне – порядочному чекисту взамен на то, чтобы я выпустил ее деда.

Спиридонов, подыгрывая своему начальнику, досадливо покачал головой, Брючков продолжил :

– Делаю тебе новогодний подарок, тебе и всем старослужащим в караулке, деду Пантелею всыпьте еще раз как следует и утром освободить, понял ?

– Так точно. Немного потоптавшись, предложил:

– Может ее апосля Лохматому отвезти?

Брючков хмыкнул:

– Ты что , дурак, они ее сожрут.

Ее ведь оставлять так нельзя, как бы местные мужики не взбунтовались.

– Ты за это не переживай, еще сегодня на танцах все село знать будет, что пьяная Маша весь солдатский караул через себя пропустила.

Спиридонов довольно улыбнулся, Брючков добавил:

– Хозяин здесь я – доверься мне. Пользуйся, когда еще такую кралю попробуешь, я ее всему научил, теперь она – шлюха, что надо.

Спиридонов поднял Машу на ноги, прикрыл ее роскошной шубой. Маша взглянула на Брючкова пьяными и усталыми глазами, тихо проговорила:

– За что так – то товарищ Брючков ?

Брючков громко заявил:

– Брючков тебе, шлюхе, не товарищ, теперь будешь меня ублажать так всегда или деда опять в подвал закрою, поняла, Машенька ?

Маша промолчала, а Спиридонов и Брючков громко рассмеялись.

Митрофан пришел с танцев уже когда рассвело, его изрядно покачивало от выпитого спиртного, напрямик прошел к печи, на которой лежал, именно лежал, а не спал Кузьма. Он не спал уже третью ночь, так как все это время не видел свою возлюбленную Машу. Она не выходила из дома, на его вызовы не отвечала, а в этот вечер ее мать сказала, что она ушла из дома вечером и до сих пор не появлялась дома. Кузьма обшарил всю деревню, но безуспешно. Митрофан дыхнул перегаром в лицо Кузьме:

– Что не спишь, братуха ?

Кузьма недовольно буркнул:

– Тебе то что ?

Митрофан зачерпнул ковшик воды и жадно отхлебнул два больших глотка.

Знаю почему не спишь. Только ты зря о ней думаешь, ей до тебя дела нет. Она ведь шлюха.

Ком рвоты подкатил Митрофану к кадыку, он побежал на улицу. Кузьма, охваченный ненавистью к брату за его глупые, неуместные шутки, в одном нижнем белье, босиком выбежал следом за братом во двор. Митрофан, согнувшись пополам, стоял у сарая, его очень сильно выворачивало наизнанку. Не чувствуя мороза Кузьма подошел к нему, сквозь зубы процедил:

– Маша – не шлюха. Если ты еще раз так ее назовешь, я, клянусь богом , убью тебя.

Митрофан перевел дух.

– Дурак ты, Кузьма. Я за что купил, за то и продаю.

– Не понял ?

– Что тут не понять? Что люди говорят, то я и тебе сказал.

Кузьма не верил своим ушам. Митрофана еще раз вывернуло, он тяжело выдохнул.

– Машка твоя уже несколько дней в караулку к солдатам бегаёт.

– Побожись !

Митрофан выпрямился во весь рост, посмотрел на брата сверху вниз:

– Ты, Кузьма, обулся бы, застудишься, патом бабы и не нужны будут. Мне об этом Брючков сказал, он ее вчера вечером у солдат в караулке застал, солдат наказал, ее прогнал, она пьяная была, да еще пыталась лезть к нему.

– Он врет. С ненавистью в голосе, выдохнул Кузьма .

– Он на нее сам виды имел.

Митрофан вытер снегом лицо:

– Может и имел, а сейчас не имеет, во-первых, дед ее был замешан с врагами народа со староверами, но он его сажать не стал, так как пожалел его из-за внучки, а сейчас даже жалеет, яблоко говорит от яблони далеко не падает.

Не говоря больше ни слова, Кузьма бросился в избу быстро оделся и сломя голову бросился к дому Маши. Он как ураган влетел на крыльцо, пнул ногой дверь и важно вошел в дом, ему дорогу преградила мать Маши, бабка сидела у окна на лавке. Мать Маши резко спросила:

– Ты что, герой, смелости набрался, если ни одного мужика в доме нет, значит можно двери открывать ногами?

Кузьма поперхнувшись спросил :

– Где Маша ?

– Это у тебя надо спросить, жених.

Неожиданно бабка сильно взвизгнула и чуть было не упала со скамьи, широко раскрыла рот, будто не хватало ей воздуха, при этом широко раскрытыми глазами уставилась в окно, будто увидела самого дьявола. Кузьма и мать Маши бросились как по команде к окну. Волосы на голове у Кузьмы заходили ходуном от увиденного. К дому по улице шла Маша, волосы ее были распущены и рассыпались по старой солдатской шинели, которая прикрывала ее обнаженное тело, ноги у Маши были всунуты в дырявые валенки, одной рукой она волокла на своей шикарной шубе окровавленного деда Пантелея. Кузьма выскочил пулей на улицу, следом за ним – мать Маши. Маша втащила деда Пантелея во двор, увидев мать, выпустила из руки шубу с телом деда, прошла мимо ошарашенного Кузьмы в дом, он проводил ее взглядом, она обернулась перед дверью и проговорила ему.

Сюда больше не ходи, я – шлюха, забудь обо мне.

Кузьма обезумел от отчаяния, упал на колени и что есть силы выкрикнул:

– Нет....!

Маша не выдержала и бросилась к нему тоже на колени, он обнял ее и прижал к себе, она дрожала от холода, торопливо говорила.

– Я хочу умереть, Кузьма ... Я ненавижу жизнь ... Я наложу на себя руки ...

Кузьма успокаивал ее:

– Не говори так, все будет хорошо ... я отомщу за тебя, кто, кто ? Посмел надругаться над тобой, любимая.

– Нет, не спрашивай, нет я не скажу тебе ничего, они загубят тебя !

Убью ...

– Нет, Кузьма, мы уедем с тобой, мы уйдем в тайгу, подальше от людей, я ненавижу их ...

– Да , любимая, да , обязательно.

На следующий день Кузьма, собрав с собой провизии, патронов, ружье и своего пса, ничего не говоря ни Митрофану, ни матери, взяв с собой Машу, он рано утром ушел в тайгу. Дед Пантелей умер через три дня, придя в себя на несколько минут завещал, чтобы Машу обязательно отдали за Кузьму Демидова. О происшедшем судачили в деревне долго, версий было полно, но никто ниразу не упомянул фамилию Брючкова. Судачили, судачили и забыли, тем более никто не смог найти молодых, даже родной брат Кузьмы Митрофан, так как в день их бегства от людей к вечеру началась сильная метель и снег похоронил все их следы, а там и нагрянуло народное гуляние – Новый год.

ГЛАВА 9

Катер – тягач мягко пришвартовался к деревянному пирсу. Он, как это всегда бывало весной и летом, притащил за собой небольшую баржу с торгошами из города. Но на этот раз баржа была переполнена, на ней было много мужчин и женщин, которые, только завидев на

пирсе толпу местных женщин, радостно замахали руками и весело гикали. На барже слышалась гармошка и песни. Этот катер и баржа были первой ласточкой с далекой цивилизации. Шляхтин, стоявший на пирсе вместе с Брючковым, поправил на себе португепю, проговорил:

– Вот народ дает, война идет, а они веселятся.

Брючков смачно сплюнул под ноги:

– Может, праздник какой.

На деревянный причал с катера спрыгнули трое: один военный и двое в штатском, у одного из которых была ровно стриженная аккуратная борода. Военный подошел к Шляхтину, резко козырнул, Шляхтин и Брючков ответили ему тем же, он протянул свою руку для рукопожатия, представился:

– Капитан Невинный.

Он кивнул головой на штатских.

– Товарищи ученые – Чепров и Кузнецов. Бородач оказался профессором по горному делу и носил фамилию Кузнецов. С катера на причал, мягко, с чемоданом в руках, спрыгнула молодая девушка, лет восемнадцати, на ней было белое легкое платьишко. Кузнецов заметил, что военные обратили на нее внимание и поспешил представить ее, когда она приблизилась к компании:

– Это моя дочь – Даша, студентка горного института.

Брючков одарил девушку похотливой улыбкой, она смущенно отвела взгляд, потупилась.

Шляхтин спросил:

– По какому поводу гулянье ?

Капитан Невинный удивленно воскликнул:

– Как ? Вы что, не знаете ? Война ведь кончилась.

Шляхтин и Брючков переглянулись. Растерянным голосом, от такого заявления, Шляхтин переспросил:

– Война закончилась ? Когда ?

Да уже как месяц почти, девятое мая объявлено официально праздником – Днем Победы!

Брючков развел руками.

– Что поделаешь, мы живем в такой глуши, что все новости с большой земли до нас доходят в последнюю очередь.

Невинный усмехнулся.

– Ничего страшного! Теперь у вас будет классная рация, на Вишире поставили большую антенну. И вообще, мы вам привезли кусочек цивилизации: рядом с вашей деревней мы будем вести разработки прииска. С нами приехали первые рабочие, следом за нами идут баржи с оборудованием и провизией. Невинный расстегнул планшет, висевший на его плече и достал из него большой конверт с сургучевой печатью, протянул его Шляхтину:

– Это, по всей видимости, вам, из управления.

Шляхтин принял пакет.

– Что ж, пройдемте товарищи за мной. – он повернулся к Брючкову.

– Принимайте товарищей и этап.

Тем временем рабочие и торгаши высыпались на деревянный причал, местные жители узнали от них, что закончилась война и со всех сторон были слышны радостные крики.

– Ура, война кончилась ! Война кончилась !

И не сразу местные жители в общей толпе заметили высокого крепкого солдата в выцветшей шинели и с пилоткой на голове. У солдата не было руки, он, куря козью ножку, ища глазами родное лицо, медленно протискивался сквозь толпу и вздрогнул, когда услышал за спиной знакомый, родной, дорогой голос:

– Валера !

Солдат резко развернулся, толпа расступилась, все смолкли и увидели немолодую женщину, местные деревенские ее знали как Демидову Евдокию, рядом с ней стоял ее сын Митрофан. Женщина секунду простояла в нерешительности и бросилась к мужу, споткнулась о бревенчатый настил, упала у ног мужа. От волнения и неожиданности у Евдокии отступили силы, но то что в душе бушевала радость, все же придало ей сил, она дотянулась до ног мужа и обняла их, прижавшись щекой к его грязным сапогам, захлебываясь от слез радости, она громко навзрыд причетала.

– Валера, родной мой, живой, любимый мой, дорогой, ты вернулся !

Солдат, герой, привыкший к разным трудностям, не мог несколько секунд проронить ни одного слова, пока его глаза не увлажнились от слез. Слезы пробили комок в груди радости и невзгод военной службы, рукавом шинели, единственной целой руки, он смахнул накопившуюся слезу, по отцовски приказал старшему сыну.

– Что стоишь как лось ? Помоги матери подняться, видишь, мне не сподручно.

Митрофан тут же поднял мать на ноги и она обняла мужа, щупая пустой рукав шинели опять запричитала :

– Ничего Валера, главное жив – здоров.

Со всех сторон бабы сельчанки начали задавать Валерию вопросы: не видал ли он кого из их мужей или сыновей на войне, с распросами лезли и вдовы, давно получившие похоронки, еще в начале войны. Валерий отнекивался, кому отвечал, что встречал, и кратко рассказывал где, ему это быстро надоело и он специально, чтобы слышали все, сказал жене:

– Веди в дом, жена, соскучился я да устал с дороги.

Он с плеча скинул солдатский вещевого мешок, протянул его сыну, положил руку на плечо жены и они медленно побрели в сторону деревни. Деревенские бабы с завистью и слезами на глазах провожали счастливую чету Демидовых. Правда кто-то из баб в толпе, тяжело выдохнув, тихо проговорил:

– Вот только Кузьму то Евдокия не уберегла, Валерий – не простит.

Эти слова прозвучали как предостережение : а счастливы ли еще будут Евдокия со своим мужем? Слова зависти женщины-вдовы солдатки никто из местных баб обсуждать вслух не брались, так как были суеверны, а на вдовах лежала печать смерти и значит несчастья и неудач, эти слова заставили всех баб разойтись по своим делам и вскоре они и забыли обо всем, придавшись гулянью в честь Победы и прибывших к ним рабочих из города, среди которых было и немало мужиков и малоденных мальчиков, студентов из Перми.

Дед Калистрат последними двумя взмахами весел направил лодку в небольшой затон, скрывавшемся со стороны реки густыми зарослями орешника и малины. Он пригнул голову, чтобы не задеть голову и лодка через минуту уперлась носом в каменистый берег реки «Золотанка», которая почти вплотную подходила к Уральским горам. Он еще не успел сойти на берег как из ближайших кустов к нему вышли двое. Калистрат приветствовал их довольной улыбкой и ей хотел расположить этих двоих к хорошему настроению. Но для появившихся из кустов этого было мало. Тот, что был выше и поздоровше, подойдя к Калистрату сразу взял его за грудки, он был сильно обросшим и от него пахло потом хуже чем от самого не чистоплотного пьяницы во всем мире. У него, ко всему прочему, ужасно пахло изо рта, он буквально проревел в лицо Калистрату:

– Ты что, паскуда, решил нас здесь заживо схоронить ? Уже лето, тебя всю весну не было, сука !

Калистрат, по своей натуре человек был мужественный, но и он почувствовал себя неловко в руках этого получеловека – полуживотного, в полном смысле этого слова. Не показав охватившего его страха, он проговорил:

– Утомонись, лихой человек, или ты забыл, кто тебя на волю матушку снарядил ?

Здоровяк выпустил его из своих рук, грубо толкнув его в грудь.

– Твоя хренова воля хуже неволи. Мы тут уже с голоду собрались помирать, не жратвы, не выпивки, а ты обещал хорошо нас кормить – своих работников.

Калистрат усмехнулся, кивнув в сторону лодки, где уже орудовал друг здоровяка, выкидывая баулы с провизией на берег.

– Привез я вам жратвы, хоть отбавляй: и патронов, и спичек. Только интересно, чем вы порадуете на сей день, работнички?

Здоровяк покосился на своего не менее обросшего друга, правда с большой залысиной на голове, приказал ему:

– Шмотки перетащишь сам. – повернулся к Калистрату.

– Пошли побазарим, Калистратушка.

Они двинулись к кустам, сразу за которыми открывалась живописная поляна, обнесенная молодыми соснами, посередине которой стоял хороший, свежесрубленный дом. Сразу за ним возвышалась гора, на камнях которой расстился свежий мох. Возле дома горел костер, на котором, на козлах был подвешен большой котел, от которого пахло не очень вкусно. Проходя мимо него Калистрат заглянул во внутрь, увидел куски мяса с тоненькими ребрышками, здоровяк заметил его брезгливый взгляд, пробасил:

– Что еще остается делать, когда жрать нечего?

Калистрат поинтересовался:

– Что за зверь?

– Да это тот пес, которого ты нам еще зимой оставил.

Калистрат откровенно выругался:

– Ну и тварь же ты, Лохматый.

Лохматый в ответ усмехнулся. Калистрат с досадой добавил:

– Это ведь чистокровная Лайка была, я с ней на медведей ходил.

Лохматый пропустил это мимо ушей, предложил:

– Зайдем в дом ?

Калистрат отказался, ему и так было все противно, и если бы он вошел в дом, грязь которого он представил, его бы точно вырвало.

– Нет, спасибо, я подожду тебя здесь.

Лохматый вошел в дом, через минуту вернулся с двумя кожаными кисетами, бросил их сидевшему на крыльце Калистрату:

– На вот, бери.

Калистрат, довольным, и в тоже время лукавым взглядом посмотрел Лохматому в глаза:

– Себе, небось, тоже припрятали ?

– На кой оно хрен нам нужно? Зверьям разве что продавать. Ты мне вот что лучше скажи: что это за стекляшки?

Лохматый вытащил из кармана блестящие стеклянные камушки. Глаза Калистрата расширились, у него перехватило дух, он еще никогда не видел столько необработанных природных алмазов, облизнув дрожащие губы, он спросил:

– Ты где это взял ?

– А что это ?

– Где ? – громко выдохнул Калистрат.

Километра три отсюда: есть заброшенная шахта, там этого добра навалом, мы с Рогом подумали, может это алмазы, похожи.

Калистрат покачал головой, тихо вслух проговорил :

– Вот значит геологи где алмазы искали.

– Какие геологи ?

– Не твоего ума дело, тут, можно сказать, все скоро полетит к черту.

Лохматый, недовольный тем, что ничего не понимает в его бормотании, повысил голос до угрожающего:

– Ты что, старый пень, бормочишь? В зубы захотел? Отвечай: алмазы это или нет?

Калистрат встал, связал между собой кисеты с золотым песком, перекинул их через плечо:

– Да, да, это алмазы, черт бы их побрал.

– Ну это здорово, что скулишь.

Калистрат не на шутку нервничал:

– Конечно, здорово, только по их душу с большой земли геологи приехали, я то думал в другой стороне работать будут.

– Какие геологи во время войны?

Калистрат необдуманно отмахнулся:

– Война уже как месяц назад кончилась. Да и причем здесь война? У нас глубокий тыл, эту шахту разработали еще до войны. Я знал об этом, но ее заморозили, а сейчас, наверное, вспомнили.

Весь в раздумьях Калистрат побрел к реке, на ходу предупредил:

– Без меня или человека от меня ничего не предпринимайте! Увидите много людей-на глаза не показывайтесь.

Лохматый стоял как вкопанный столб: его обезоружило известие о том, что война кончилась. Да, он знал, что она скоро закончится, но что вот так неожиданно, это ведь меняло все его планы и всю его жизнь в корне. Из – за кустов появился Рог, он тащил три толстых баула и пытел под их тяжестью обеими ноздрями. Увидев товарища с потерянными глазами, осведомился:

– Что, плохие новости, кореш?

Наконец – то, Лохматый пришел в себя.

– Новости – класс, братан! Я решил: будем работать на себя, эти стекляшки -алмазы.

– Но куда мы все это денем? На кой черт они нам в тайге? Неужто ты хочешь бежать и отсюда?

– Да, Рог.

– Бредовая затея, нечего сказать.

Лохматый решил не говорить Рогу о том, что кончилась война, тот мог бы тоже изменить свои планы в отношении своей дальнейшей жизни, а Лохматому нужен был помощник, а не человек, который будет дышать ему в затылок и думать как бы избавиться от конкурента на все это уральское таежное добро.

ГЛАВА 10

Евдокия выронила из рук мокрую половую тряпку, когда увидела в окно, что к их калитке приближается, всеми ненавистный Брючков, с делегацией из двух незнакомых ей мужчин: одного – военного и штацкого с бородкой. Евдокия отметила для себя – это из новых, приезжих. Она вспомнила о муже, который в это время чинил лыжи во дворе. Она выбежала на крыльцо в тот момент, когда непрошенные гости входили во двор, муж Валерий попросил Митрофана:

– Скрути, сынок, сигарку.

Митрофан покосился на делегацию, взял кисет, висевший на одном полене среди поленицы, стал крутить отцу сигарету. Валерий посмотрел на встревоженную жену, затем обратился к незнакомцам, которых он видел на катере и с которыми плыл от поселка Вишира.

– Чем обязан, товарищи?

Вся тройка поздоровалась с ним за руку, ответил за всех мужчина с бородкой:

– Если меня правильно осведомили, имею честь говорить с Демидовым Валерием Васильевичем?

Митрофан скрутил отцу сигарету и передал ее, дав ему прикурить. Валерий через нос и рот выдохнул душистый дым, проговорил:

– Хорош, табачок, трофейный, с самой Венгрии привез. Да, я Демидов, все правильно. Штатский предложил:

– Может пройдем в дом, у меня к вам долгий разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.